

М.В. ЛОМОНОСОВ И ЕГО ВРЕМЯ

СОДЕРЖАНИЕ

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ

- ДЕТСТВО И УЧЕБА М.В. ЛОМОНОСОВА
- М.В. ЛОМОНОСОВ И АКАДЕМИЯ НАУК
- ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ
- ПОТОМКИ
- ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ

М.В. ЛОМОНОСОВ И АКАДЕМИЯ НАУК

- К ПРИУМНОЖЕНИЮ ПОЛЬЗЫ И СЛАВЫ ЦЕЛОГО ГОСУДАРСТВА ...
- СЛУЖИТЬ ОТЕЧЕСТВУ СПОМОЩЕСТВОВАНИЕМ В НАУКАХ
- О ИСПРАВЛЕНИИ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
- О ХУДОМ СОСТОЯНИИ АКАДЕМИИ НАУК
- ОНОГО УПАДКУ И НЕДОСТАТКОВ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРИЧИНЫ
- СПОСОБ К ОНЫХ ОТВРАЩЕНИЮ И К ИСПРАВЛЕНИЮ ВСЕГО КОРПУСА
- ОСНОВОПОЛОЖНИК НОВОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ
- РЕФОРМАТОР РУССКОГО ЯЗЫКА
- М.В. ЛОМОНОСОВ И РУКОПИСНАЯ КНИЖНОСТЬ РУССКОГО СЕВЕРА

М.В. ЛОМОНОСОВ В ПАМЯТИ ПОТОМКОВ

- В ПАМЯТИ ПОТОМКОВ
- ПРАЗДНОВАНИЯ ЮБИЛЕЕВ М.В. ЛОМОНОСОВА В АКАДЕМИИ НАУК
- 2011 ГОД: 300-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛОМОНОСОВА
- МУЗЕЙ М.В. ЛОМОНОСОВА В АКАДЕМИИ НАУК
- ИМЕНЕМ М.В. ЛОМОНОСОВА НАЗВАНЫ
- ПАМЯТНЫЕ МЕДАЛИ
- ПРИМЕЧАНИЯ

Трудно назвать какую-либо отрасль науки, из существующих в XVIII в., в которую бы Ломоносов не внес крупного творческого вклада. В физике, астрономии, метеорологии, химии, геологии, горном деле, металлургии, географии, истории, теории словесности и литературе он либо создал капитальные труды, совершил выдающиеся научные открытия, либо выдвинул новые идеи, высказал гениальные прогнозы. Многие идеи Ломоносова на десятки лет и столетия опередили свое время.

Президент АН СССР М.В. Келдыш (1961 г.).

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ

ДЕТСТВО И УЧЕБА М.В. ЛОМОНОСОВА

Михаил Васильевич Ломоносов родился 8 (19) ноября 1711 г. в деревне Мишанинской Куростровской волости Двинского уезда Архангелогородской губернии. Его отец Василий Дорофеевич Ломоносов (1681–1741) – государственный крестьянин, занимавшийся морским промыслом. Мать, Елена Ивановна, урожденная Сивкова (умерла около 1720), дочь дьякона соседнего Николаевского Матигорского прихода.

Беломорский край, где родился М.В. Ломоносов, был в экономическом и культурном отношении одним из развитых районов России. Крестьянство Русского Севера не знало крепостной зависимости. Ломоносова обучал грамоте дьячок местной Димитриевской церкви С.Н. Сабельников. Юноша Ломоносов часто помогал односельчанам в составлении прошений и деловых бумаг, писал за неграмотных письма. Пристрастившись к чтению, он потянулся к знаниям. Ломоносов, будучи сыном крестьянина, не мог учиться в единственной в Холмогорах словесной школе. Он ушел из родного дома вопреки воле отца. Ему пришлось искать поддержку у

односельчан. Сосед Фома Шубный одолжил ему три рубля и дал беглецу «китайчатое полукафтанье».

Единственным высшим учебным заведением в Москве того времени была Славяно-греко-латинская академия («Спасские школы»). В нее и решил поступить М.В. Ломоносов, скрыв крестьянское происхождение. 15 января 1731 года он был зачислен в первый класс академии. Несмотря на материальные трудности, Ломоносов первые три класса закончил за один год.

УЧЕБА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В 1724 году по проекту Петра I создана Академия наук. При ней для подготовки русских ученых учреждены гимназия и университет. В конце 1735 года Ломоносов в числе двенадцати лучших учеников Славяно-греко-латинской академии был направлен в Санкт-Петербург для обучения в академическом университете. С января по август 1736 года он слушал лекции профессоров и адъюнктов Академии, а в сентябре его вместе с Д.И. Виноградовым и Г.У. Райзером послали в Германию для изучения химии, горного дела и металлургии.

УЧЕБА М.В. ЛОМОНОСОВА В ГЕРМАНИИ

В ноябре 1736 года Ломоносова зачислили в Марбургский университет, где в это время преподавал прославленный ученый-энциклопедист Христиан Вольф. В Марбурге с 1736 по 1739 год Ломоносов слушал курс физики и философии у Х. Вольфа, изучал химию и математику. Самостоятельный склад ума и здравый смысл крестьянского сына уберегли его от метафизических взглядов, царивших в немецких университетах. Здесь же в 1739 году он женился на Елизавете Христиане Цильх (1720–1766).

Во время учебы в Марбурге Ломоносов усвоил лучшее, чем обладала в то время западно-европейская мысль; здесь он выработал свой метод научных исследований.

Познакомившись с теорией строения вещества английского ученого Р. Бойля, Ломоносов начал разработку собственного учения о строении материи. Здесь же у него зародилась мысль о создании собственной научной картины мира.

В июле 1739 года Ломоносов с товарищами был отправлен в Саксонию в город Фрейберг, где он прослушал курс лекций крупного минералога и химика Иоганна Фридриха Генкеля, прошел лабораторную практику и обучился маркшейдерскому искусству. По окончании занятий у Генкеля он решил познакомиться с постановкой горного дела в Саксонии.

М.В. ЛОМОНОСОВ И АКАДЕМИЯ НАУК

В июне 1741 года Ломоносов возвратился в Санкт-Петербург и поселился на Васильевском острове в доме, принадлежащем ранее генералу Бону. Его первой крупной научной работой был «Каталог камней и окаменелостей Минерального кабинета Петербургской Академии наук». В Физическом кабинете Академии наук он проводил физико-химические опыты. Одновременно он сотрудничал в газете «Санктпетербургские ведомости» как переводчик.

В 1742 году Ломоносов стал адъюнктом по классу физики и приступил к созданию первого в России учебника по экспериментальной физике. «Вольфианская экспериментальная физика» вышла в свет в 1746 году и долгое время оставалась единственным учебником экспериментальной физики на русском языке. По нему учились несколько поколений студентов и гимназистов различных учебных заведений России.

ХИМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ М.В. ЛОМОНОСОВА

В 1745 году за работу в области химии Ломоносову было присвоено звание профессора. Он и В.К. Тредиаковский, избранный профессором элоквиции (красноречия), стали первыми русскими академиками.

Первой известной работой Ломоносова в области химии были «Элементы математической химии». В отличие от большинства химиков своего времени, считавших химию искусством, он впервые определяет ее как науку: «Химия – наука об изменениях, происходящих в смешанном теле, поскольку оно смешанное».

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Ломоносов считал химию своей «главной профессией», причем развитие химии, по мнению ученого, должно было помочь решению практических задач. Став профессором химии, Ломоносов начал добиваться создания Химической лаборатории. В октябре 1748 года Химическая лаборатория была построена и оснащена оборудованием, созданным по чертежам и эскизам Ломоносова. В ней ученый проводил экспериментальные исследования по химии и технологии силикатов, обоснованию теории растворов, обжигу металлов, а также делал пробы руд. В Химической лаборатории Ломоносов в 1752–1753 годах впервые в мире прочитал курс физической химии студентам академического университета.

Ломоносов заложил основы физической химии, сделав успешную попытку дать объяснение химическим явлениям на основе законов физики и своей теории строения вещества. «Физическая химия – писал он, – есть наука, объясняющая на основании положений и опытов физики то, что происходит в смешанных телах при химических операциях».

Материалистический подход к явлениям природы, знакомство с достижениями науки того времени позволили Ломоносову впервые объединить в одной формулировке принципы сохранения материи и движения. Этот закон он назвал «всеобщим естественным законом» и в 1760 году опубликовал его в «Рассуждении о твердости и жидкости тел».

В Химической лаборатории Ломоносов провел более четырех тысяч опытов и разработал технологию изготовления цветных прозрачных и непрозрачных (смальт) стекол. Эту технологию он решил использовать для промышленного изготовления изделий из цветного стекла.

УСТЬ-РУДИЦКАЯ ФАБРИКА

В 1752 году Ломоносов получил земельный надел для строительства фабрики, которое началось в следующем году. Усть-Рудицкая фабрика была передовым художественно-промышленным предприятием России XVIII в. Здесь применялись созданные по проекту Ломоносова станки, приводимые в действие гидросиловой установкой,

построенной на реке Рудице. На фабрике изготавливались смальта для мозаичных картин, бисер, стеклярус, посуда и другие нужные в быту вещи. В «Письме о пользе стекла» (1752) Ломоносов дал широкую картину его применения в самых различных областях человеческой деятельности. Он писал: «Пою перед Тобой в восторге похвалу не камням дорогим, ни злату, но стеклу».

МОЗАИКА М.В. ЛОМОНОСОВА

Ломоносов возродил в России древнее искусство мозаики. В его мастерской было создано сорок мозаик, из которых до наших дней сохранилось двадцать три. Он писал:

Коль пользы от Стекла приобрело велики,
Доказывают то Финифти, Мозаики,
Которы в век хранят Геройских бодрость лиц,
Приятность нежную и красоту девиц,
Чрез множество веков себе подобны зрятся
И ветхой древности грызенья не боятся.

В 1758 году Ломоносов составил проект мозаичного монумента Петру I в Петропавловском соборе. По замыслу ученого, стены внутри собора, где находится гробница Петра I, должны были украшать мозаичные картины, прославляющие государственную деятельность царя. Из задуманных двенадцати была закончена только одна – «Полтавская баталия». С 1925 года она украшает парадную лестницу здания Академии наук в Санкт-Петербурге.

ФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ М.В. ЛОМОНОСОВА

Ломоносов занимался изучением труднейших проблем физики. В созданной им теории дано объяснение многих физических явлений. Ломоносов показал природу твердых тел, теплоты и холода, разработал теорию изменения агрегатного состояния и упругости газов. В диссертации «Размышления о причине теплоты и холода» Ломоносов предложил свою теорию теплоты, опровергавшую господствовавшее в то время представление о «тепловой материи».

Причиной теплоты ученый считал вращательное движение составляющих тело частиц: чем оно быстрее, тем выше температура тела.

Видное место в творческой деятельности Ломоносова занимало конструирование оптических приборов различного назначения – «ночезрительной трубы», «горизонтоскопа», телескопа. В 1741 году он предложил проект «катоптрико-диоптрического зажигательного инструмента» – своеобразной солнечной печи, позволявшей получать высокую температуру, которую иным способом тогда достигнуть было невозможно.

Ломоносов на много лет раньше английского астронома В. Гершеля разработал конструкцию телескопа с одним зеркалом, расположенным под углом к его оптической оси. Оптико-технические работы Ломоносова намного опередили науку его времени.

Ломоносов был убежден, что электрические явления в атмосфере определяются метеорологическими процессами, в связи с чем считал необходимым изучать состояние ее верхних слоев. С этой целью он предложил конструкцию «аэродромической машины», способной поднимать, по мнению ученого, самопишущие приборы на значительную высоту.

С 1743 года Ломоносов начал изучать электрические явления. Вместе с академиком Г.В. Рихманом он несколько лет наблюдал грозные явления, причем для определения степени наэлектризованности атмосферы использовалась так называемая «громовая машина». 26 июля 1753 года во время наблюдений Рихман был убит молнией.

Ломоносов в «Слове о явлениях воздушных» впервые выдвинул теорию возникновения атмосферного электричества и показал тождественность его с получаемым от электростатической машины.

ВКЛАД М. В. ЛОМОНОСОВА В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ АСТРОНОМИЮ

М.В. Ломоносов много времени уделял созданию научных приборов. Он разработал свой вариант астрономического телескопа, ему принадлежит ряд предложений по созданию морских навигационных приборов. Ему удалось наблюдать прохождение Венеры между Землей

и Солнцем (26 мая 1761 г.) и интерпретировать световой ободок вокруг диска Венеры как наличие у нее атмосферы, в которой происходило рассеяние солнечных лучей.

М.В. ЛОМОНОСОВ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МИНЕРАЛОГИЯ, ГЕОЛОГИЯ И ГОРНОЕ ДЕЛО

Ряд работ Ломоносова был посвящен вопросам минералогии, геологии и горного дела. Значительнейшими из них были «Слово о рождении металлов от трясения земли» и трактат «О слоях земных». В них ученый высказывает идеи эволюции природы, основанные на материалистических воззрениях.

«Первые основания металлургии или рудных дел», прибавлением к которым была работа «О слоях земных», стали одним из первых русских пособий по горному делу.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА И М.В. ЛОМОНОСОВ

Возглавив в 1758 году Географический департамент Императорской Академии наук, Ломоносов принял меры к составлению нового географического атласа страны и предложил направить экспедиции для определения координат некоторых городов России. Труды Ломоносова в области географии заслужили признание. В апреле 1760 года его избрали членом Шведской Академии наук. В благодарность Ломоносов послал в Стокгольм рукопись своей работы «Рассуждение о происхождении ледяных гор в Северных морях».

Ломоносов был убежден, что «Могущество России Сибирью прирастать будет», и в работе «Краткое описание разных путешествий по Северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» он собрал все ранее известные сведения о попытках подобных путешествий и обосновал возможность плавания Северным морским путем. Открытие Северного морского пути должно было, по мнению Ломоносова, способствовать экономическому развитию России и освоению северного Зауралья.

По предложению Ломоносова была организована экспедиция, начальником которой был назначен капитан-командор В.Я. Чичагов. Ломоносов принимал участие в подготовке экспедиции Чичагова:

обучал штурманов, заботился об усилении ледовой обшивки судов и оснащении экспедиции морскими навигационными приборами. В 1765–1766 годах Чичагов дважды предпринял попытку проникнуть вглубь Арктики, но оба раза деревянным парусным судам не удалось преодолеть лед и пройти далее 80°Северной широты.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО М.В. ЛОМОНОСОВА

С Ломоносова начинается наша литература: он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим.

В.Г. Белинский (1834 г.)

В литературном творчестве Ломоносова видное место занимают оды и стихотворные надписи к проектам иллюминаций, которые устраивались в честь различных событий. Произведения Ломоносова были проникнуты идеями Просвещения, стремлением прославить свой народ и Родину.

Ломоносов начал писать стихи еще во время учебы в Славяно-греко-латинской академии. Он разработал собственную систему стихосложения. Свои предложения он изложил в «Письме о правилах российского стихотворства», которое в 1739 году прислал из Фрейберга в Петербург. К «Письму...» как образец своего способа стихосложения была приложена ода «На взятие Хотина», полная патриотического воодушевления, вызванного победой русских войск.

Для Ломоносова Петр I оставался идеалом человека и монарха, что нашло отражение в его литературном творчестве и с особой силой выразилось в поэме «Петр Великий» и в «Слове похвальном... Петру Великому».

В «Российской грамматике» Ломоносов впервые в истории отечественного языкознания дал свод правил русского литературного языка. Выдержав четырнадцать изданий, она не потеряла научного значения до нашего времени.

Глубокое знание памятников русской письменности и живого разговорного языка, аналитический ум и поэтический талант помогли Ломоносову заложить фундамент отечественной науки о языке. Написанное им в 1748 году «Краткое руководство к красноречию»

явилось своего рода литературной хрестоматией, а также произведением, несущим читателю просветительские идеи.

М.В. ЛОМОНОСОВ-ИСТОРИК

Хорошо зная русские летописи и европейские источники, Ломоносов использовал их в исторических работах. Он написал историю Киевской Руси, где поставил вопрос о происхождении восточных славян, высоко оценив их культуру. В работе «О сохранении и размножении Российского народа» Ломоносов выступил как просветитель, стремящийся поднять благосостояние народа путем распространения культуры и научных знаний. Это сочинение подвергалось цензурным преследованиям, так как автор критически относился к церковным обрядам и духовенству.

В рукопись Вольтера «История России при Петре Великом» Ломоносов внес существенные поправки и подготовил значительную часть материалов. В IV и V главах своей «Истории» Вольтер почти дословно воспроизвел сочинение Ломоносова «Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи», оговорив это в примечаниях.

ФЕЙЕРВЕРКИ И ИЛЛЮМИНАЦИИ

В царствование Петра I и после него царствующий дом в честь различных празднований устраивал грандиозные фейерверки, привлекая к их созданию ученых и затрачивая на их изготовление колоссальные по тем временам средства. В царствование Елизаветы Петровны (1741–1761) к созданию фейерверков был привлечен М.В. Ломоносов, которому поручалась организация фейерверков и иллюминаций.

Процедура подготовки и проведения фейерверочных представлений была следующая: сначала поступало официальное распоряжение к Академии наук составить программу фейерверков. Эту обязанность нередко выполнял М.В. Ломоносов. Он использовал свои знания в области геральдики, мифологии, истории, химии и, сообразуясь с поводом торжества, составлял подробную программу. После программы отсылали в канцелярию Артиллерии и фортификации, где давали указание на изготовление пиротехнических изделий,

необходимых для фейерверка. Затем строился фейерверочный театр – огромный помост, на котором размещались все перечисленные в программе фигуры, стеллажи и декорации. На протяжении всего XVIII в. фейерверочные представления занимали первостепенное место в программе различных празднеств.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

В марте 1764 года Ломоносов тяжело заболел. «Друг, – говорил он, обращаясь к академику Я. Штелину, – я вижу, что я должен умереть... Жалею только о том, что не мог я совершить всего того, что предпринял я для пользы отечества, для приращения наук и для славы Академии».

4 (15) апреля 1765 года М.В. Ломоносова не стало. Его похоронили в Александро-Невской лавре.

ПОТОМКИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Из трех, а по некоторым источникам – четырех детей М.В. Ломоносова, выжила лишь дочь Елена, родившаяся 21 февраля 1749 г. в Петербурге. В сентябре 1766 г. (через 1,5 года после смерти отца) она вышла замуж за личного библиотекаря Екатерины II Алексея Алексеевича Константинова. В их браке родилось четверо детей: Алексей, Софья, Екатерина и Анна.

Умерла Елена Михайловна 21 мая 1772 г. в возрасте 23 лет и похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Софья Алексеевна Константинова вышла замуж за Николая Николаевича Раевского – генерала от инфантерии, члена Государственного Совета и героя Отечественной войны 1812 г. Имела 8 детей. Александр и Николай принимали участие в войне 1812 г.

Екатерина Николаевна Раевская вышла замуж за Михаила Федоровича Орлова. Она владела Ломоносовской мызой Усть-Рудица, где у Ломоносова была фабрика цветного стекла. Систематизировала и описала полученный от матери архив М.В. Ломоносова. После восстания декабристов разделила калужскую ссылку мужа.

Мария Николаевна Раевская вышла замуж за князя Сергея Григорьевича Волконского – генерал-майора, участника войны 1812 г. и будущего декабриста.

В дальнейшем потомки М.В. Ломоносова породнились с известнейшими дворянскими фамилиями России. Большинство из них эмигрировали после событий 1917 года за границу.

Существует вторая, так называемая, крестьянская, ветвь потомков. Она происходит от сводной сестры М.В. Ломоносова Марии. В собрании Отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII века (Музей М.В. Ломоносова) находится портрет Ирины Федоровны Ершовой.

Ирина Федоровна Ершова – внучка сестры Ломоносова Марии Васильевны Ломоносовой (в замужестве Головиной). Занималась костоправным делом. В 1838 г. за долгую лечебную деятельность И.Ф. Ершова пожалована от императора Николая I бриллиантовым перстнем в 500 рублей «в уважение ея безвозмездных трудов в пользу страждущих и во внимание к заслугам, оказанным на поприще словесности и наук знаменитым предком ея статским советником Ломоносовым».

ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Личные вещи ученого хранились как ценные реликвии в семьях его потомков Раевских, Волконских, Орловых и Котляревских: Пресс для бумаг из смальты Усть-Рудицкой фабрики; блюдо с монограммой Ломоносова. Серебро; скульптура «Амур с короной». Мрамор; чайник работы Мейсенского завода в Германии. Фарфор; кубок. Хрусталь.

**Зав. отделом истории
Кунсткамеры и российской науки XVIII в.
(Музей М.В. Ломоносова),
д.и.н. М.Ф. Хартанович**

М.В. ЛОМОНОСОВ И АКАДЕМИЯ НАУК

«К ПРИУМНОЖЕНИЮ ПОЛЬЗЫ И СЛАВЫ ЦЕЛОГО ГОСУДАРСТВА
... И К ПРИРАЩЕНИЮ БЛАГОПОЛУЧИЯ
ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА»:

М.В. ЛОМОНОСОВ ОБ АКАДЕМИИ НАУК

«Слово твое, живущее присно и вовеки в творениях твоих.

*Слово российского племени, тобою в языке нашем обновленное,
прелетит во устах народных за необозримый горизонт столетий»*

А.Н. Радищев

В XIX веке В.Г. Белинский писал, что «для достойной оценки такого человека, каков был Ломоносов», нужно «много сведений, опытности, труда и времени» (1). В XX веке академик С.И. Вавилов сожалел, что «подлинная фигура Ломоносова не ясна до сих пор», а литературовед П.Н. Берков писал, что Ломоносова мы знаем «мало и плохо» (2). В XXI веке, несмотря на обилие всевозможных трудов о жизни и деятельности Михаила Васильевича Ломоносова, число которых увеличивается с каждым очередным юбилеем нашего великого соотечественника, можем ли мы уверенно сказать, что хорошо знаем о его вкладе в науку XVIII в., понимаем его литературное творчество, понимаем суть его личности, характера, мотивацию поступков? Знакомый по портрету из школьных учебников круглолицый человек, сидящий к нам вполборота, так и остается для многих из нас не личностью, а набором клише. Даже день его рождения установлен, что называется, декретно, о чем иронично писал автор классических трудов о М.В. Ломоносове А.А. Морозов: «День рождения М.В. Ломоносова точно не установлен. Позднее по решению Академии наук его принято считать – 8 (19) ноября 1711 года» (3).

Собрать сведения о Ломоносове, как советовал В.Г. Белинский, тоже довольно затруднительно. Дело в том, что архив ученого «по его смерти» был запечатан «по приказанию графа Г.Г. Орлова, с

высочайшего соизволения» (4). Известно письмо от 8 апреля 1765 г. И.И. Тауберта, одного из руководителей академической Канцелярии, академику Г.Ф. Миллеру: «На другой день после его [Ломоносова. – Н.К.] смерти граф Орлов велел приложить печати к его кабинету. Без сомнения в нем должны находиться бумаги, которые не желают выпустить в чужие руки» (5). Дальнейшая судьба архива Ломоносова до сих пор остается неясной и является предметом изучения историков науки (6). Часть «распылившегося» архива ученого трудами архивистов собрана в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Там же в фондах академических Конференции и Канцелярии хранятся документы, связанные с научной и административной деятельностью М.В. Ломоносова в Академии наук. Письма и бумаги ученого есть и в других архивах и библиотеках. Многие из наследия М.В. Ломоносова опубликовано.

«СЛУЖИТЬ ОТЕЧЕСТВУ СПОМОЩЕСТВОВАНИЕМ В НАУКАХ»

Универсализм знаний, деятельность в разных областях науки академик С.И. Вавилов объяснял «не механическим многообразием культурной работы Ломоносова, а глубоким слиянием в одной личности художественно-исторических и научных интересов и задатков». Он сравнивал Ломоносова с Леонардо да Винчи и Гёте (7). По иному оценивал характер М.В. Ломоносова академик А.Е. Ферсман. Исходя из деления ученых на классиков и романтиков (8), А.Е. Ферсман писал: «В Ломоносове боролись два разных человека. Один был классик и точный исследователь; многие годы в своей лаборатории он готовил длинный ряд цифр, и надо поражаться той точности, с которой он добывал основные величины для построения своих выводов. Но наравне с классиком, экспериментатором, исследователем в Ломоносове был другой человек. Это был поэт, богатый фантазией, интуицией, вдохновением, горящий идеями. В противоположность спокойному и медлительному развитию своих мыслей, этот человек мешал терпеливой разработке отдельных вопросов, в нем одни идеи бурно сменялись другими, его влекло к большим, широким, мировым проблемам [...] Он бросает химию, уходит в организацию науки, в решение проблем истории, географии и экономики. Так побеждает в нем другой человек. Но в этой борьбе и в сочетании этих двух противоположных начал – вся красота облика Ломоносова» (9).

ЦЕЛЬНОСТЬ ХАРАКТЕРА

Нам представляется, однако, что личность Ломоносова была цельной, и наиболее точно к ее пониманию подошел замечательный исследователь жизни и деятельности великого русского ученого А.А. Морозов. В книге «Родина Ломоносова» он показал природу цельности характера М.В. Ломоносова, происходящей от всего того, что «окружало его на Севере, начиная от могучей природы и кончая социальными особенностями северорусского черносотного крестьянства [...] Наибольшее значение для понимания личности и развития самого Ломоносова имели, прежде всего, те районы и местности, которые как бы расходились кругами от Курострова и Холмогор и через которые прошли его первые жизненные пути» (10). Продолжая свою мысль далее, А.А. Морозов отмечал, что личность Ломоносова формировалась под влиянием «необычайного разнообразия и пестроты, живого опыта людей, которые знали свой край, накапливали наблюдения над природой, порой делали открытия» (11) и что именно Беломорский Север, свободный от крепостничества, «наложил на Ломоносова неизгладимый отпечаток, пробудил в нем творческую энергию» (12).

Говоря о цельности характера М.В. Ломоносова, нельзя обойти вниманием и влияние на него Петра Великого и его преобразований. В.Г. Белинский назвал Ломоносова «Петром Великим нашей литературы». Но он был и «Петром Великим» нашей Академии. Вряд ли в истории Академии наук: ее организации, в реализации тех задач, которые император ставил перед Академией, – можно найти более горячего и последовательного сподвижника Петра, чем Ломоносов. Он считал своим долгом российского гражданина и своей важнейшей задачей русского ученого такую организацию Академии, которая бы позволила растить своих ученых, развивать российскую науку, что по замыслу Петра I являлось одной из основных задач Академии.

«ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ПОЛЕЗНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ»

Именно как «государственное и полезное учреждение» рассматривал Ломоносов Академию наук, которая не «только сама себя учеными людьми могла довольствоваться, но размножать оных и распространять по всему государству» (13). Высокая гражданская позиция не позволяла Ломоносову спокойно сидеть в лаборатории и готовить

длинные ряды цифр. Он бросался туда, где видел ущемление государственных интересов России, пренебрежительное отношение к ее истории, к ее будущему, стремление принизить образ России в общественном мнении. Даже в официальных записках Ломоносова слышен искренний голос человека, для которого всегда на первом плане польза Отечества, – сюда направлены его желание достичь успехов в науках, просветительские устремления, страсть, характер борца, не склонявшегося ни перед какими трудностями и унижениями. В письме к И.И. Шувалову от 4 января 1753 г. он писал о начале работ над «Российской историей»: «Коль великим счастьем я себе почесть могу, ежели моею возможною способностью древность российского народа и славные дела наших государей свету откроются». Ломоносов – труженик именно на государственной ниве, но там, куда его привела судьба, – в науке. Организация, развитие российской науки и ее распространение через Академию наук – вот то, ради чего ученый оставляет лабораторию, борется с чиновниками, составляет проекты преобразования Академии, подвергает себя унижениям вечного просителя перед сильными мира сего. Как не вспомнить тут стихотворение 1761 г., написанное Ломоносовым, едущим к императрице с очередным прошением: «Кузнечик дорогой, коль много ты блажен, Коль больше пред людьми ты счастьем одарен! [...] Не просишь ни о чем, не должен никому». Позавидовать кузнечику, и это при гордом и сильном характере независимого человека, который, когда дело касалось лично его, не боялся написать И.И. Шувалову: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дурак[ом] быть не хочу, но ниже у самого господ бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет» (14).

Итак, цельность деятельности и личности М.В. Ломоносова мы видим в понимании им своего гражданского долга – «служить отечеству спомоществованием в науках», которому была подчинена не только научная, но и самая жизнь ученого.

«О ИСПРАВЛЕНИИ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В АКАДЕМИИ

М.В. Ломоносов, как известно, прибыл в Петербургскую Академию наук из Славяно-греко-латинской академии в самом начале 1736 г. В

ноябре 1736 г. он вместе с Г.У. Райзером и Д.И. Виноградовым был уже в Марбурге у Хр. Вольфа. В июне 1741 г. Ломоносов вернулся в Петербург и числился в штате студентом. Только в 1742 г. Академия определила, что «быть ему, Ломоносову, адъюнктом физического класса. А жалованья определяется ему сего 1742 года генваря с 1 числа по 360 рублей на год, счисляя в то число квартиру, дрова и свечи, о чем заготовить определение, а к комиссару указ» (15). С 1 сентября 1742 г. адъюнкт физического класса Ломоносов начал читать лекции для академических студентов и всех желающих. В программе лекций было записано, что Михайло Ломоносов «руководство к географии физической, чрез господина Крафта сочиненное, публично толковать будет, а приватно охотникам наставление давать намерен в химии и истории натуральной о минералах; також обучать в стихотворстве и штиле российского языка после полудни с 3 до 4 часов» (16). Звание профессора по кафедре химии было присвоено Ломоносову только в июне 1745 г.

К этому времени Ломоносов уже вполне уяснил механизм бюрократических действий в Академии наук. Академические дела быстро не рассматриваются, поскольку советник Канцелярии занят «многими и более важными делами». Присвоение профессорского звания связано не с научными заслугами: «следовало бы повременить вместе с другими, которые тоже добиваются повышения», – писал советник Канцелярии И.Д. Шумахер. Видел Ломоносов и общую обстановку в Академии, где происходили распри между академиками, подстрекаемые Шумахером и его приспешниками, между Конференцией и Канцелярией. В декабре 1745 г. профессор химии набрасывает «список наук в Академии с распределением на три класса». Это первый из документов, свидетельствующих о том, что организация деятельности Академии наук занимала Ломоносова.

К ИСПРАВЛЕНИЮ АКАДЕМИЧЕСКОГО РЕГЛАМЕНТА

В 1747 г. был принят Регламент Императорской Академии наук и художеств. В летописи жизни и деятельности М.В. Ломоносова (17) ни до 1747 г., ни сразу после него нет никаких упоминаний о новом академическом регламенте. Но это не значит, что вопрос об уставе Академии не волновал ученого. Регламент, разработанный в основном Г.Н. Тепловым и утвержденный императрицей Елизаветой

Петровной, Ломоносова не устраивал. В январе-феврале 1755 г. он пишет «Всенижайшее мнение о исправлении Санктпетербургской императорской Академии наук», где излагает недостатки академического регламента 1747 г., но прежде этого сообщает, в каком состоянии находится Академия наук. Неизвестно, подавал ли это «мнение» Ломоносов по назначению: черновая рукопись его постоянно дополнялась и имеет вставки более поздние по времени (18).

К сентябрю 1755 г. появился «указ Правительствующего Сената относительно исправления академического устава по всемилостивейшему повелению е. и. в.», который в Академии не исполнялся, то есть работа по исправлению регламента официально не велась (19). Свое мнение по этому вопросу Ломоносов записал в протокол Конференции через архивариуса И.Л. Стафенгагена. 7 января 1758 г. ученый представил президенту Академии записку об «Излишествах, замешательствах и недостатках в Академии наук и о мерах к улучшению ее положения» (20). После этой записки в ведение М.В. Ломоносова поступают Академическое, Историческое собрания, Географический департамент, Университет и Гимназия. В 1758–1759 гг. им составляется еще одна записка о необходимости преобразований в Академии наук (21). В период с 19 января по 31 мая 1761 г. Ломоносов пишет записку о мерах «к приведению Академии наук в доброе состояние» (22).

В 1762–1764 гг. он работает над проектом нового регламента Академии наук (23), в 1764 г. с мая по сентябрь готовит предложения об устройстве и уставе Петербургской Академии (24). Последние представлены по ордеру К.Г. Разумовского о составлении устава и нового академического штата (25). Замечания к ним представили И.-Э. Фишер и С.К. Котельников, на которые Ломоносов дал свои ответы (26). И, наконец, М.В. Ломоносов подготовил свой регламент Санкт-Петербургской Императорской Академии наук (27), который дошел до нас в незаконченном виде: мы имеем возможность познакомиться только с первой его частью – «О собрании Академии наук». Успел ли Ломоносов до своей смерти в марте 1765 г. написать другие части, остается неизвестным.

Большой интерес представляет и «Краткая история о поведении Академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени» (28), составленная Ломоносовым не позднее 26 августа 1764 г. К этому необходимо добавить и многочисленные записки, «репорты» ученого об Университете, Гимназии, Библиотеке, Кунсткамере, Физическом кабинете, Обсерватории, Ботаническом саде, то есть обо всех учреждениях, входивших в Академию наук.

Надо отметить удивительно точный, образный язык Ломоносова. Об этом писал К.Г. Разумовскому Леонард Эйлер. «Я чрезвычайно восхищен, что эти диссертации [были отправлены Эйлеру Шумахером. – Н.К.] по большей части столь превосходны, что Комментарии Императорской Академии станут многим более значительны и интересны, чем труды других академий [...] Все сии сочинения не токмо хороши, но и превосходны, ибо он изъясняет физические и химические материи самые нужные и трудные, кои совсем неизвестны и невозможны были к истолкованию самым остроумным ученым людям, с таким основательством, что я совсем уверен в точности его доказательств. При сем случае я должен отдать справедливость Ломоносову, что он одарован самым счастливым остроумием для объяснения явлений физических и химических. Желать надобно, чтобы все прочие Академии были в состоянии показать такие изобретения, которые показал господин Ломоносов» (29).

Даже в сугубо официальных, канцелярских документах ясно слышится голос человека, у которого душа болит за Отечество. Даже в переводах псалмов слышится личностный мотив, который невозможно не воспринимать как биографический. После чтения «Краткой истории о поведении Академической Канцелярии» совсем по-другому воспринимаются стихи перевода известного 143-го псалма:

Меня объял чужой народ,
В пучине я погряз глубокой;
Ты с тверди длань простри высокой,
Спаси меня от многих вод.

.....

Вещает лож язык врагов,
Десница их сильна враждою,
Уста обильны суетою,
Скрывают в сердце злобный ков.
Избавь меня от хищных рук
И от чужих народов власти:
Их речь полна тщеты, напасти;
Рука их в нас наводит лук (30).

Учитывая все эмоциональное великолепие и драматическую силу языка Ломоносова, мы позволим себе в дальнейшем многочисленные цитирования документов ученого.

Но вернемся к Академии наук. Чтобы принять меры к «исправлению» ее недостатков, необходимо, считает М.В. Ломоносов, предпринять следующее: «рассмотреть самые недостатки»; «показать одного упадку и недостатков происхождение и причины», «дать способ к оных отвращению и к исправлению всего корпуса» (31).

«О ХУДОМ СОСТОЯНИИ АКАДЕМИИ НАУК»

О состоянии, в котором находилась Академия наук, М.В. Ломоносов писал неоднократно и в «репортах», и в записках, и в письмах. «Худое» состояние академического корпуса ученый видел в отступлении от основных принципов, заложенных еще Петром I, а также в самовластии Канцелярии над учеными. Отсюда шли все академические беды. При этом властолюбие и интриги советника Канцелярии И.Д. Шумахера, его нежелание считаться с Академическим собранием были, по мнению Ломоносова, пожалуй, основным препятствием для нормального существования Академии и распространения ею просвещения в России. Нередкие в нашей литературе объяснения этому неприятием Ломоносовым иностранных ученых, как и иностранцев вообще, не выдерживают критики. Ломоносов как продолжатель петровского дела не был против привлечения иностранцев в Россию. В его «Слове похвальном ... Петру

Великому» есть знаменательные слова: «К великим Своим намерениям премудрый Монарх предусмотрел за необходимо нужное дело, что бы всякаго рода знания распространить в отечестве и людей, искусных в высоких науках, также художников и ремесленников размножить, о чем Его отеческое попечение хотя прежде сего мною предложено, однако, ежели оное описать обстоятельно, то целое мое слово еще к тому не достанет, ибо, не однократно облетая на подобие Орла быстропарящаго Европейския государства, отчасти повелением, отчасти важным своим примером побудил великое множество своих подданных оставить на время отечество и искусством увериться, коль великая происходит польза человеку и целому государству от любопытнаго путешествия по чужим краям. Тогда отворились широкия врата великия России [подчеркнуто мной. – Н.К.], тогда через границы и пристани, на подобие прилива и отлива, в пространном Океане бывающаго, то выежжающие для приобретения знаний в разных науках и художествах сыны Российские, то приходящие с разными искусствами, с книгами, с инструментами иностранные безпрестанным текли движением» (32).

Вспомним известные слова А.С. Пушкина об окне, которое Петр порубил в Европу. А у Ломоносова не окно, а врата Россия распахнула для умелых, знающих и ученых иностранцев и для россиян, желающих получить знания и умения в других странах. Не столько «национальная гордость» Ломоносова, сколько противодействие воле Петра Великого со стороны тех, кто в Академии наук заправлял всеми делами, заставляло ученого бросаться в бой, порой, в буквальном смысле слова. В «Краткой истории о поведении академической Канцелярии» он с горечью пишет об отъезде из России первых петербургских академиков «Германа, Бернулиев и других, во всей Европе славных, кои только великим именем Петровым подвиглись выехать в Россию для просвещения его народа, но, Шумахером вытеснены, отъехали, утирая слезы» (33).

Не только М.В. Ломоносов возмущался действиями руководителя академической Канцелярии, а фактически правителя Академии, И.Д. Шумахера. Французский астроном и картограф Ж.-Н. Делиль, работавший в Петербурге с 1726 г., неоднократно писал жалобы «о великих не порядках, напрасных убытках и о пренебрежении учения российского юношества», чем нарушался специальный пункт контракта с учеными, разработанный еще Петром. С болью

воспринимал Ломоносов утрату престижа Петербургской Академии в Европе:

«В самое то время, когда политическое состояние России почиталось у иностранных еще сомнительным, когда они думали, что просвещение Петр Великий только лишь вводить в наше отечество начинает, многие славнейшие ученые люди во всей Европе, иные уже в глубокой своей старости, в Россию приехать не обинулись. Ныне, когда почти весь свет уверен о нашем большем прежнего просвещении, а особливо, что несравненная монархия наша высокоmaterнею щедротою и богатым снабдением и высочайшим покровительством наук повсюду прославлена.., не токмо знатные профессора, но и те, которые недавно из студентов вышли, не хотят к нам в академическую службу, не взирая на знатную сумму, которая им предлагалась. Близ десяти человек из Германии призываны были, однако все отказали» (34).

ГИМНАЗИЯ, УНИВЕРСИТЕТ И ПРЕСТИЖ НАУЧНОГО ДЕЛА

Нерадение к академическим гимназии и университету доходило до того, что на заседаниях ставленниками Канцелярии открыто задавался вопрос: «Куда де столько студентов и гимназистов? Куда их девать и употреблять будем?» Ломоносов на это отвечал, «что у нас природных россиян ни докторов, ни аптекарей, да и лекарей мало, также механиков искусных, горных людей, адвокатов и других ученых и ниже своих профессоров в самой Академии и в других местах», но в ответ опять слышал: «Куда со студентами?» (35) Претензии к Шумахеру Ломоносова сводились не к тому, что тот иностранец, а к тому, что своими действиями и бездействием препятствовал появлению российских ученых, не развивая гимназию и университет, ущемляя права академиков, раздувая между ними ссоры и интриги, чем сводил на нет их авторитет в обществе, а это приводило к тому, что наука не считалась престижным делом, и детей старались отдавать для обучения в шляхетный корпус, а не в академическую гимназию. Талантливых студентов и адъюнктов из россиян Шумахер загружал работой по переводу, не допуская «к высоким наукам»: «Того ради учение и содержание российских студентов было в таком небрежении, по которому ясно оказывалось, что не было у него намерения их допустить к совершенству учения» (36).

То, что заботило М.В. Ломоносова – «происхождение ученых россиян» – не занимало советника Канцелярии И.Д. Шумахера. Гимназия, основание и начало для просвещения, «пришла в худшее состояние, нежели прежде. Ясное сему есть доказательство, что по сие число в семь лет ни один школьник в достойные студенты не доучился. Аттестованные приватно прошлого года семь человек латинского языка не понимают, следовательно, на лекции ходить и студентами быть не могут, что на экзамене в собрании оказалось» (37).

В старших классах Гимназии учителей уже много лет не было, а если и были, «то почти недостойные». В младших же классах учителей слишком много, но тоже «почти все негодные, у которых школьники время теряют». Из Гимназии «ни один школьник в студенты [...] не выпущен, кроме одного или двух, которые прежде в других школах доброе положили основание» (38).

Но не только гимназия находится в полном небрежении. В Университете не было и подобия университетского: не было факультетов, выборного ректора, студентов, лекций. «Да и быть не могут, – восклицал Ломоносов, – затем что Санктпетербургский университет и имени в Европе не имеет, которое обыкновенно торжественною инаугурациею во всем свете публикуется» (39).

НЕРАДЕНИЕ О АКАДЕМИЧЕСКИХ ДЕПАРТАМЕНТАХ

В штате Академического собрания недостаток нужных профессоров, нет «высшего математика», географа, физика, ботаника, механика. В Академии числилось 9 адъюнктов, но из них пять обучались за границей, другие не знают и оснований «высоких наук». Публичных актов по Регламенту 1747 г. положено было проводить три в год, но «бывает только по одному», – продолжал Ломоносов.

В тяжелом состоянии и другие академические департаменты: «Библиотека и Кунсткамера имеет расположение толь же худо, как и прежде». Причем их положение, как и состояние Физического кабинета, Обсерватории, Ботанического сада становилось с годами только хуже. В 1763 г. «по должности» как член Канцелярии и «по совести» Ломоносов писал «о весьма худом состоянии самых нужнейших академических департаментов», которые «лежат бесполезны, в плачевном состоянии», а «жалованье и другие расходы

из казны тратятся напрасно» (40). Экспериментальная физическая камера после отъезда Г.В. Крафта и смерти Г.В. Рихмана находится в плачевном виде: «лежат уже много лет физические инструменты по углам разбросаны, в плесени и во ржавчине». При этом они не используются по назначению – «ни к новым академическим изобретениям», ни при чтении лекций студентам.

Физический кабинет в эти годы был поручен профессору Ф.У.Т. Эпинусу, который «с самого своего вступления в академическую службу едва бывал там, где валяются физические инструменты». Астрономическая Обсерватория и раньше «служила больше к профессорским ссорам, нежели к наблюдениям светил», но к 1763 г. совсем запустела. Несмотря на то, что деньги на ее починку после пожара 1747 г. были даны немалые, и на то, что на приобретение инструментов Сенат дал 6000 рублей, Обсерватория не приносит науке никакой пользы. Тот же профессор Эпинус не пускает на нее для ведения наблюдений «старшего астрономии профессора Попова и адъютанта Красильникова», которые при профессорах Делиле и Гришове имели возможность там работать, еще будучи студентами. Символами запустения Обсерватории в описании Ломоносова становятся ее астрономические часы, которые «вместо исправного и бесперерывного ходу, иногда стоят по несколько недель без всякого движения» и занесенное снегом крыльцо. Ботанический сад также запущен, так как ботаника в Академии нет. Но без этих академических департаментов «сей корпус и Академиею Наук отнюдь назваться не может».

ПЛАЧЕВНОЕ СОСТОЯНИЕ ФИНАНСОВ

Вызывали вопросы и финансовые дела Академии, находящиеся в плачевном состоянии, когда «старых долгов не токмо многие тысячи не заплачены, но и вновь беспрестанно прирастают, а особливо неплачение обещанного награждения чужестранным членам, что именным е. в. указом особливо повелено было» (41). В Академию принимались сверх штата художники и другие служители, «к определенным делам неспособные или совсем негодные». Ломоносов приводит пример с егерем, который был принят в академическую службу «якобы для стреляния птиц и зверей в Кунсткамеру, а подлинно для удовольствия чьей-то поварни». Большое число

излишних служителей так отягощают академический бюджет, «что не токмо определенной суммы 25 тысяч и доходов от Типографии и от Книжной лавки, но и чрезвычайных прибавлений недоставало, которых до ста десяти тысяч рублей сверх положенной суммы блаженныя памяти государыня императрица Анна Иоанновна в разные времена Академии пожаловала». Итак, в деньгах всегдашняя нужда такая, что и профессора вынуждены были брать жалованье книгами, «отчего пришли в убытки и в бедность».

Но вот «художества, а особливо грядорование немалое имеет приращение», подчеркивал Ломоносов. На них уходят не только деньги, предусмотренные Регламентом, но и вся прибыль, «что от художеств собирается». Получается, что они «ученому корпусу тягостны». А для печатания российских книг нет достаточного числа типографских станков. Книги печатаются долго и продаются по высоким ценам. В 1764 г. Ломоносов писал, что «для большинства людей внешность книг важнее красот науки. Некоторые доходят до того, что превозносят и расхваливают переплетчиков больше, чем авторов. Они хвастают, что их заботами это ремесло достигло в Академии величайшего совершенства, а о правах науки молчат, как рыбы. Это извращение дошло до того, что переплетчику дали удобную квартиру в академическом здании, тогда как к необходимейшим отраслям науки, какова, например, экспериментальная физика, относятся, – о позор! – с презрением и не уделяют им должного внимания: приборам, необходимым для научных опытов и для преподавания юношам естественных наук, сколько уж лет не могут приискать место, где бы можно было не то что добропорядочно их расставить и пускать в дело с наибольшей пользою, а хотя бы только держать в сохранности» (42).

«Все сие рассудив, – обобщает Ломоносов, – ясно видеть можно, коль близко стояла Академия при конечном своем разрушении, которое вместо славы российской к посмеянию, вместо пользы к ущербу, вместо радости любящим науки к печали служило» (43).

«ОНОГО УПАДКУ И НЕДОСТАТКОВ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРИЧИНЫ»

Недостатки в деятельности Академии наук М.В. Ломоносов видел в Регламенте Академии 1747 г., а также в отсутствии регламентов,

законом установленных принципов и правил, инструкций, штатов, по которым должна жить Академия и ее департаменты: Академическое собрание, Университет, Гимназия, Академия Художеств, Библиотека, Географический департамент, Ведомостная экспедиция, «без чего не могут оные быть в порядке».

Многие пункты Регламента 1747 г. Академией не выполнялись. К тому же «в последнем пункте Академического регламента позволяется президенту чинить отмены, из чего явствует, что оный регламент за совершенный не признается» (44). Регламент составлялся без участия профессоров, в тайне, что привело к целому ряду его недостатков.

РЕГЛАМЕНТ НЕ СЛУЖИТ БУДУЩИМ ВРЕМЕНАМ

Первый недостаток состоит в том, что новый академический закон просто зафиксировал то состояние, в котором находилась Академия наук; он составлялся «взирая на персоны и обстоятельства тогдашнего времени», а следовательно «во все будущие времена служить не может». По мнению Ломоносова, такой академический департамент как Канцелярия вообще не нужен: «В других государствах отнюд их нет при таковых корпусах. Однако была и затем не токмо оставлена, но и больше власти получила к уничтожению профессорского достоинства» (45). Членами Канцелярии являются по Регламенту советник и асессор, то есть Шумахер и Теплов, а если бы, пишет Ломоносов, Теплов тоже был бы советником, то и в Регламенте «положены были в Канцелярии два советника, в высоких науках весьма искусные» (46). Продолжая свою мысль о том, что Регламент был составлен под определенных персон, Ломоносов переходит на стиль иронического повествования:

«Ректором университета должен быть по Регламенту историограф, то есть профессор Миллер», «и если бы Миллер был юрист или стихотворец, то конечно и в штате ректором был бы положен юрист или стихотворец. После переименован и сделан ботаник». Историографу положен помощник, «переводчик китайского и манжурского языка, то есть переводчик Россохин. Но если бы он знал вместо китайского и манжурского языка, н[а]пр[имер], персидский и татарский, то бы конечно положен был в штате переводчик персидского и татарского языков» (47). Тот же принцип используется и при определении жалованья сотрудников Академии. Хотя «каждая наука в Академии

имеет равное достоинство, и в каждой может быть равенство знания и неравенство», то «должно всем положить в штате равное жалованье». Но в Академии жалованье установлено «не по достоинству и трудности самой науки, но по обстоятельствам особ, которые тогда оные профессии имели»: «алгебраисту положено жалованье 1800 рублей для Ейлера или Бернулли, астроному – 1200, чтоб славного человека приласкать в Россию, анатомику – 1000 рублей для Бургава, прочим – по 860 и по 660 рублев. Однако если бы Ейлер (или Бернулий) был таков химик, каков он математик, то без сомнения было бы химику положено жалованья в штате 1800 рублев» (48).

Нет в Регламенте и упоминания Российского собрания, «нужного весьма учреждения» (49). Нет в штате Академии и профессора-ориенталиста, хотя в «европейских государствах, которые [...] меньшее сообщение с азиатическими народами имеют, нежели мы, но в академическом штате о том не упоминается, затем что тогда профессора ориентальных языков не было, хотя по соседству не токмо профессору, но и целой Ориентальной академии быть бы полезно» (50).

О СТАТУСЕ УЧЕНОГО

Критику Ломоносова вызывали и положения Регламента о профессорах. Прежде всего, по его мнению, необходимо заботиться о создании высокого статуса академика в Табели о рангах.

Это позволило бы не только по достоинству оценивать академиков, но и привлекать к ученой деятельности молодых людей. Зафиксированное же Регламентом положение, что профессорам положен ранг против армейских капитанов, ведет «к унижению профессорского достоинства и, следовательно, и к помешательству в размножении учения. Сие также немало препятствует, что дворяне больше записывают детей своих в кадеты, нежели в Академию, ибо, положив многие труды и годы на учение, не имеют почти никакой надежды произойти как только до капитана, да и то с трудом, есть велик» (51). Вызывало недоумение и ограничение академику «упражняться в своей профессии, а в чужую не вступаться»: «Сие ограничено весьма тесно, ибо иногда бывает, что один академик знает твердо две или три науки и может чинить в них новые изобретения. Итак, весьма неправильно будет, ежели когда астроному впадет на

мысль новая физическая машина или химику труба астрономическая, а о приведении оной в совершенство и описании стараться ему не позволяется и для того о том молчать или другому той профессии уступить и, следовательно, чести от своего изобретения лишиться принужден будет» (52). Запрещение академикам в другие науки вступать кроме своей профессии приводит и к тому, что чрез него «пресекается не токмо нужное сношение, но и союз наук и людей ученых дружба. Ибо часто требует астроном механикова и физикова совета, ботаник и анатомик – химикова, алгебраист пустого не может всегда выкладывать, но часто должен взять физическую материю, и так далее. Того ради, советуя друг с другом, всегда должны будут иметь дружеское согласие [...] Вольность и союз наук необходимо требуют взаимного сообщения и беззавистного позволения в том, что кто знает упражняться. Слеп физик без математики, сухорук без химии» (53).

ОБУЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

Большую заботу и тревогу М.В. Ломоносова вызывали положения Регламента 1747 г. об обучении студентов и школьников. По его мнению, должны быть при Академии «и студенты вольные и посторонние, безжалованные. Таковые студенты числятся по университетам в других государствах не токмо стами, но и тысячами из разных городов и земель. Напротив того, здесь почти никого не бывает. Причина сего весьма видна и явственна, ибо здешний Университет не токмо действия, но и имени не имеет» (54). В Регламенте 1747 г. «о учреждении университетского регламента и Гимназии ничего не содержится, что необходимо нужно и медления отнюд не терпит» (55). Университет должен быть торжественно учрежден, должна быть публично объявлена его программа, сообщено, какие преимущества у ученых будут перед неучеными, вот тогда «Университет санктпетербургский был бы доволен и вольными студентами, которые купно с содержащимися на жалованье могли вскоре не токмо Академию удовлетворить, но и по другим командам распространяться» (56). Негодование Ломоносова вызывал и пункт Регламента о том, что «положенных в подушный оклад в Университет принимать запрещается»: «Будто бы сорок алтын толь великая и казне тяжелая была сумма, которой жаль потерять на приобретение ученого природного россиянина, и лучше выписывать! Довольно бы и

того исключения, чтобы не принимать детей холопских» (57). Позднее Ломоносов писал: «Другие европейские государства наполнены людьми учеными всякого звания, однако ни единому человеку не запрещено в университетах учиться, кто бы он ни был, и в университете там студент тот почтеннее, кто больше научился, а чей он сын, в том нет нужды. Здесь, в Российском государстве ученых людей мало: дворянам для низкости и неимения рангов нет ободрения; в подушный оклад положенным запрещено в Академии учиться. Может быть, сочинитель думал, что Российскому государству великая будет тягость, ежели оно 40 алтын в год потеряет для получения ученого россиянина, но пусть хотя бы и 40 алтын жаль было, а не жаль бы 1800 руб., чтобы иноземца выписать; однако чем те виноваты, которые, состоя в подушном окладе, имеют такой недостаток, что на своем коште детей своих в науку отдать могут? И для чего выключены все глухо, не различив хороших людей посадских от крепостных помещичьих?» (58).

КТО РУКОВОДИТ АКАДЕМИЕЙ НАУК?

Одной из главных причин «худого академического состояния» Ломоносов называл то, что руководить Академией и профессорами поставлены люди малоученые (имеются в виду И.Д. Шумахер и Г.Н. Теплов), которые недобросовестно относятся к обучению учащихся в Академии россиян. И это еще одна причина упадка деятельности Академии. Причиной такого недоброхотства Ломоносов считал боязнь Шумахера, что через производство в профессора «природных россиян» будет уменьшаться его власть. Именно поэтому «учение и содержание российских студентов было в таком небрежении, по которому ясно оказывалось, что не было у него намерения их допустить к совершенству учения. Яснее сие понять можно, что Шумахер неоднократно так отзывался: я-де великую прошибку в политике своей сделал, что допустил Ломоносова в профессора. И недавно зять его [Тауберт. – Н.К.], имения и дел и чуть не Академии наследник, отозвался в разговоре о произведении российских студентов: Разве-де нам десять Ломоносовых надобно? И один-де нам в тягость» (59). Но всего «вредительнее» и «поносительнее российскому народу», что в Регламенте 1747 г., который напечатан и на других языках, неоднократно писалось о постоянном приглашении в Россию иностранных профессоров «и тем дал повод рассуждать о нас

в других государствах, якобы не было надежды везде иметь своих природных россиян в профессорах и в некоторых других должностях [...]

Что иное подумать можно, читая в регламенте о выписании высшего математика и других профессоров, о бытии адъюнктов переводчиками у иностранных профессоров, о переводе книг профессорских, о контрактах с иностранными профессорами, о иностранных канцеляристах и провизоре типографском (смотри 5, 9, 13, 26, 50 пункты и табель стата). Что можно подумать как сие, что Санктпетербургская Академия Наук ныне и впредь должна состоять по большей части из иностранных, то есть что природные россияне к тому неспособны» (60).

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ИЗЛИШЕСТВА

Мешают работе Академии наук, по мнению М.В. Ломоносова, и «излишества», которые состоят в том, что Канцелярия отягощена всякими мелочами и не находит времени думать о науках. Академия наук занимается излишними для нее «мастерствами»: изготовлением штемпелей и печаток, особенно на продажу, чем должна заниматься Монетная канцелярия, математических инструментов не для внутренних нужд, а по сторонним заказам, опять же на продажу. Академия художеств при Академии наук тклет парчу и плетет кружево. Торговля заморскими книгами «делает Академию биржею», потому как «сумма великая без знатной прибыли обращается, занимает напрасно время, наносит нареkanie и хлопоты тем, что всякий требует книг по своему желанию, которыми всем угодить невозможно» (61).

«СПОСОБ К ОНЫХ ОТВРАЩЕНИЮ И К ИСПРАВЛЕНИЮ ВСЕГО КОРПУСА»

Рассматривая положение Академии наук, М.В. Ломоносов полагал, что необходимо «пресечь» причины, повлекшие к ее упадку. Для этого нужно не допускать «властвовать над науками людям мало ученым, которые, однако, хотят, чтоб их за ученых почитали» (62); не допускать к академической власти тех иностранцев, в которых «к ученым россиянам недоброжелательство примечено». Регламент же 1747 г. надо отменить. Предваряя свои предложения «к исправлению»

Академии наук, М.В. Ломоносов писал, что «учреждение императорской Академии Наук простирается не токмо к приумножению пользы и славы целого государства, но и к приращению благополучия всего человеческого рода, которое от новых изобретений происходит и по всему свету расширяется, о чем внешние академии довольно свидетельствуют. Того ради, приступая к оному, должно положить в начале общие основания, на которых утвердить и расположить всю сего великого государственного и полезного учреждения систему [подчеркнуто мной. – Н.К.], ибо без оных все должно быть зыблемо и к старому падению и разрушению склонно» (63). Каковы же эти основания?

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ БУДУЩЕГО РЕГЛАМЕНТА

1. Регламент не должен исходить из того состояния, в котором находится Академия наук в данный момент времени, а должен быть «сочинен и расположен» таким образом, «чтобы он всегда имел свою силу и всякому будущему времени был приличен и согласен и везде полезен. Того ради не должно смотреть на лицо, заслуги и недостатки тех, которые находятся в Академии при нынешнем состоянии, ниже на поведения и поступки или обстоятельства» (64). Утвержденные пункты регламента не должны отменяться, необходимо «предписать точно пределы, до которых главные командиры в потребных обстоятельствах отмену учинить могут и что с общего членов согласия, что сами собою» (65). При составлении штата и устава Академии надо позаботиться о том, «чтобы все могло пребывать навеки непоколебимым и при всяких обстоятельствах прочным» (66).

2. Академия не должна быть закрытым корпусом, она должна готовить ученых для всего государства.

3. При составлении регламента необходимо учитывать опыт европейских академий наук: «Надобно иметь перед глазами в качестве превосходных примеров уставы заграничных академий, уже много лет процветающих: тем, что в них есть хорошего и плодотворного, воспользоваться, а то, что не согласуется с остальными установлениями Российской империи, исключить» (67).

4. Ломоносов настаивал на установлении добрых отношений между членами Академии: «Между равными, а особливо между вышними

чинами была бы всегда дружба и согласие, от нижних к высшим – пристойное почтение, от по[д]чиненных к начальникам – законное послушание» (68). Такое отношение, «помимо пользы для превосходного процветания наук, весьма важно и для того, чтобы Академия приобрела у нас в стране любовь и уважение» (69).

5. Необходимо разработать систему поощрения и наказаний, «дабы добрые имели одобрение, а злые – страх».

6. Все академические департаменты должны содержаться и развиваться в одинаковых условиях, «в противном случае будет Академия подобна некоторому безобразному телу, которое от болезни, неровное питание в членах производящей, имеет те части больше и тучнее, которые в здоровом состоянии должны быть равны или еще и меньше» (70).

7. Так как Академия создана для занятия науками «и в споспешествовании развитию их, то всячески надо остерегаться, как бы не присовокупились дела, совсем не относящиеся к академической деятельности, и примешавшись не затемнили бы самой сущности науки, не задержали бы ее развития и не удушили бы ее вовсе» (71).

На этих «основаниях» должна строиться деятельность Академии наук.

КАКИМИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ АКАДЕМИЧЕСКИЕ ДЕПАРТАМЕНТЫ

Какие департаменты должны входить в Академию и какими их видел М.В. Ломоносов? Это прежде всего собственно Академия наук (Академическое собрание), Университет, Гимназия, Библиотека и Кунсткамера, Географический департамент и Механическая лаборатория, Астрономическая обсерватория, Анатомический театр, Химическая лаборатория, Ботанический сад, Физический кабинет. Все это «может и должно не только существовать бок о бок и объединяться в составе единой корпорации, но, с выгодой для общего дела, сливать и соединять усилия» (72). Академия Художеств с мастерскими, Типография, Книжная лавка, экспедиция Ведомостей, Переплетная мастерская должны быть отделены от научной корпорации. Ломоносов объясняет, почему. Ссылаясь на то, что в Петербурге в 1757 г. создана еще одна Академия художеств, он предлагает объединить две академии художеств в одну: «Великая польза произойдет для художеств, если обе Академии Художеств, прочно объединившись в

одно целое, совместными усилиями примутся за свое дело. И это соответствовало бы наилучшим заграничным примерам» (73).

В печатании и продаже книг М.В. Ломоносов видел лишь стремление перехватить у книгопродавцев прибыль. Заботы о покупке материалов, инструментов, продажа книг, переписка с издателями и книгопродавцами о продаже академических изданий мешают «течению наук и ученому обществу». Не помогает развитию наук и выпуск Академией газеты «Санкт-Петербургские ведомости», «ибо сколько раз Канцелярия, [...] пренебрегая нуждами науки, устремляла все свое внимание на работу, связанную с тем, что Правительствующий Сенат, Коллегия иностранных дел и другие учреждения посылают в Академию для перевода на разные языки, напечатания и выпуска в свет: все это само по себе и хорошо и необходимо, но обременительно для Академии» (74).

Особое место во всех записках М.В. Ломоносова о преобразованиях в Академии занимает Канцелярия, ставшая под руководством советника И.Д. Шумахера по статусу выше Академического собрания, хотя «состояла из людей полуобразованных (это, увы, утверждено уставом), которые распоряжались людьми учнейшими». «Особенно позорно то, – продолжал Ломоносов, – что невежественные делопроизводители Канцелярии, едва умеющие писать по-русски, дерзают притязать на право голоса в заседаниях этого учреждения» (75). Иначе в европейских академиях, где «собрание академиков само себе судья. Никакой посторонний, полуобразованный посредник не допускается до разбора ученых споров. Приходя за получением просимого, не дожидаются у канцелярского порога разрешения войти. Профессоры не ждут выплаты жалованья и не вымаливают его у невежд, которые поглядывают на них свысока и пугают отказом» (76). Для Ломоносова совершенно очевидно, что Канцелярия не нужна Академии наук, мешает ей, и «должна быть изринута из подлинного дома науки». И.Э. Фишер предлагал Ломоносову в качестве довода о ликвидации Канцелярии использовать тот факт, что «1) нигде на свете во главе академии наук не стоит канцелярия; 2) Петр Великий, положивший основание Академии, совсем не упоминал о Канцелярии; он счел бы чудовищным положение, при котором то, что учреждено ради чего-либо другого, имеет большую власть, чем то, ради чего оно возникло». Ломоносов отвечал, что «молчание Петра Великого не упраздняет Канцелярии, а императрица Елизавета на деле учредила

ее. Поэтому одни только жалобы имеют вес и способны повести к отстранению Канцелярии от участия в академических делах» (77).

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Итак, вся власть и управление в Академии должны сосредоточиться в Профессорском собрании под председательством президента Академии. В состав Академии должно входить достаточное число ученых. Ломоносов предлагает разделить академиков на три класса. В математический будут входить математик, астроном, географ и механик. В физический – физик, химик, анатом и ботаник. В исторический – историк, юрист, знаток древностей и знаток восточных языков. При этом ученый замечал, что «знание металлургии всегда должно требоваться от химика или естествоведа, а физиологии – от анатома или физика, философом же, оратором или поэтом может оказаться любой академик, наиболее преуспевший по этой части» (78).

Прежде принятия Регламента, необходимо утвердить штат («стат») Академии. При этом совершенно необходимо, чтобы как в других коллегиях «профессоры, адъюнкты и все остальные низшие академические служащие были возведены в соответствующие чины, пользовались бы в государстве должным уважением и несли бы свои обязанности с бодрым духом». То, что по старому Регламенту за академиками закрепили «и притом в качестве вечного чин капитана; адъюнкты же и низшие служащие не имеют никаких чинов», имело следствием то, «что в публичных собраниях маститые и заслуженные профессора оказываются ниже не только коллежских асессоров, но и асессоров второстепенных канцелярий и в частном быту встречают с их стороны пренебрежительное отношение; а угнетенный этим дух не может свободно странствовать по святылицу муз и с легкостью извлекать на свет то, что служит к пользе и к просвещению смертных» (79).

АКАДЕМИЧЕСКИЙ «СТАТ» И ТАБЕЛЬ О РАНГАХ

Ломоносов предлагал следующее распределение чинов по должностям и обязанностям (80). Президент управляет всем академическим корпусом по образу коллегий (то есть министерств) и

должен иметь чин не ниже генерал-майора. В проекте Регламента 1764 г. Ломоносов писал о президенте: «Президент Академии наук, не токмо главный правитель и начальник, но и сберегатель оныя от посторонних приключений и наветов, требуется человек именитый и знатный, имеющий свободный доступ до монаршеской особы, чтоб мог представлять академические надобности, коих без высочайшего повеления произвести Академия власти не имеет. Сверх того должен быть знающ нужнейших языков и общевникателен во все науки, природный россиянин. Еще ж превосходнее было б и полезнее, когда б президент был при знатности своей и люблении наук достаточен в разных науках» (81). Вице-президент, должность которого предлагал ввести М.В. Ломоносов, – второй после президента начальник в чине не ниже бригадира. Этой должности в большинстве иностранных академий нет, но при этом Ломоносов ссылается на Берлинскую академию, где обязанностями и властью вице-президента наделен директор. Поскольку ученый рассматривал Академию наравне с коллегиями, то и их он привел в пример: в руководстве коллегиями есть президенты и вице-президенты. Должность вице-президента необходима, по мнению М.В. Ломоносова, потому, что президентами Академии в России являлись «вельможи и царедворцы, которые, сопровождая носителей верховной власти или занятые какими-либо другими обязанностями, не могли отдаваться целиком академическим делам», часто бывая «в отлучке».

Вице-президент должен быть из числа старейших членов Академии, «сведущ в разных науках и славен своими заслугами как в нашем отечестве, так и во всем ученом мире». Он может быть и не знатным человеком, главное его преимущество должно состоять в занятиях науками. Известно, что должность вице-президента М.В. Ломоносов хотел занять сам, и добивался этого, впрочем, вполне заслуженно, однако безрезультатно.

Двенадцать ординарных академиков, которые должны исполнять обязанности академиков и профессоров Университета, – подполковники, но по мере заслуг должны производиться в более высокие чины. Академики должны читать лекции в Университете «для уменьшения расходов, для повышения жалованья академикам и ради поощрения в ученых ревности к занятиям, [...] чтобы они поучали студенческую молодежь путем публичных и частных лекций».

При этом «не может никто быть ординарным академиком, не показав в ученом свете изданных опытов своего искусства и знатными учеными людьми одобренных. Экстраординарные и адъюнкты производятся по свидетельству и избранием Академического собрания». Ломоносов предъявляет и другие требования к академикам: они должны быть «честного поведения, прилежные и любопытные люди и в науках бы упражнялись больше для приумножения познания, нежели для своего прокормления, и не так, как некоторые, снискав себе хлеб, не продолжают больше упражнения в учении с ревностию. Паче же всего не надлежит быть академическим членам упрямым самолюбам, готовым стоять в несправедливом мнении и спорить до самых крайностей, что всячески должны пресекать и отвращать главные командиры».

Желательно, чтобы академиками и адъюнктами были «природные россияне», при этом Ломоносов приводит в пример Парижскую академию, где академики – «природные французы». «Честь российского народа требует, – писал Ломоносов, – чтоб показать способность и остроту его в науках и что наше отечество может пользоваться собственными своими сынами не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний» (82). Пока же нет достаточного числа российских ученых, можно нанимать академиков из других стран, но «со всякою предосторожностью».

Ординарные академики должны раз в полгода докладывать Академическому собранию о своих достижениях в науках, публикуют «свои изобретения» в «Комментариях», а также отдельные книги по своей профессии на русском языке.

3 экстраординарных академика, исполняющие те же обязанности, что и академики, производятся в чин капитанов.

12 адъюнктов – члены Академии второго ранга, должны допускаться к чтению лекций в Университете; они получают чин поручика. Ломоносов считал, что в адъюнкты нужно принимать студентов из природных россиян. Адъюнкты должны вникать в ученые дела ординарных академиков, помогать им в делах, «как своему надлежит предводителю», изучать то, что издано по избранной им науке, особенно то, что издается Парижской, Берлинской, «Бононской» и Шведской академиями и Лондонским ученым собранием; изучать

сочинения «славных ученых», а также «привыкать к изобретениям, между тем приходить в хорошее знакомство с другими сродными науками в своем классе».

Из числа ординарных академиков назначается ректор Университета с установленной прибавкой к жалованью.

Секретарь Академического собрания, который должен вести протоколы и переписку по ученым делам, также назначается из числа ординарных академиков с установленной прибавкой к жалованью.

Библиотекарь, ведающий книгами и Кунсткамерой, должен назначаться из ординарных академиков с прибавкой к жалованью.

Казначей для ведения академической казны и отчетности назначается из ординарных академиков с прибавкой к жалованью.

Инспектор гимназии также должен назначаться из ординарных академиков с прибавкой к жалованью для надзирания за обучением и нравами гимназистов.

Десять почетных членов Академии наук должны получать жалованье и помогать Академии открытиями и советами, по двое в Германии и во Франции и по одному в Англии, Италии, Испании или Португалии, Польше или Швеции, Голландии и Китае.

Далее М.В. Ломоносов расписывает низшие должности в Гимназии, Библиотеке, Географическом департаменте, Механической мастерской, Анатомическом театре, академических писцов и т.д. с распределением по чинам и с указанием размера жалованья. Выделим из них архивариуса для рассылки и учета академических бумаг в чине подпоручика (83).

АКАДЕМИЧЕСКИЕ РАСХОДЫ

В этом же документе Ломоносов предусмотрел и другие академические расходы: на астрономические инструменты, материалы для географических работ, для физических работ, на химическую лабораторию, на Ботанический сад и гербарий, на Анатомический театр, на пополнение Библиотеки, на дрова и свечи, на 60 солдат, которые служат сторожами и рассыльными, доплату за публичные лекции ординарным и экстраординарным академиком и

адъюнктам. Общая сумма финансирования Академии по расчетам Ломоносова должна была составить 51 815 рублей. Прочие деньги, назначенные для Академии, нужно употребить «на экстраординарные расходы, например на наем жилищ, в которых обучающие академики могли бы с удобством жить по соседству с Университетом. Ведь осенняя и весенняя, преимущественно дождливая погода и грязь на улицах представляют величайшее затруднение для посещающих Университет, так что нередко лекции по этой причине прекращаются».

Как уже Ломоносов отмечал, Академию художеств с мастерскими нужно объединить с вновь созданной Академией художеств, таким образом финансирование будет осуществляться за счет последней. Типография же, Книжная лавка, экспедиция Ведомостей и все то, что к ним относится, должны иметь свои доходы, «на которые они могут содержаться с избытком, помня, сверх того, и чувствуя признательность за то, что они возникли и выросли на средства, назначенные для Академии, и не без ущерба для последней». Академическую же канцелярию необходимо упразднить, писцов распределить по разным департаментам, так что расходов на нее никаких не будет.

АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ И ЕГО ЧЛЕНЫ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Ломоносов подробно пишет о том, какими должны быть все департаменты Академии наук. В первую очередь об Академическом собрании, членами которого являются ординарные и экстраординарные академики и адъюнкты. Ломоносов перечисляет специальности академиков и то, какие задачи они должны решать.

Геометр в математическом классе занимается исследованиями в области чистой высшей математики, но должен стараться «спомогать по-дружески» своим товарищам выполнять разные вычисления.

Астроном, имеющий в своем распоряжении Обсерваторию, должен заботиться о снабжении ее инструментами, для чего в Академии есть Мастерская палата и на что в бюджете имеются деньги. Часть инструментов он должен предоставить своему адъюнкту и студенту,

чтобы они могли приобретать навыки астрономических наблюдений, а порой и подтверждать точность наблюдений академика.

Географу поручен Географический департамент, главная задача которого составление «Российского атласа»: «многие веки требуются к составлению совершенно исправного атласа, и для того должно стараться издавать новые атласы российские» через каждые 20 лет. Для составления карт нужно использовать разные экспедиции, давая им инструкции. Географ должен собирать все специальные карты, которые появляются, копировать их «для снабдения географической архивы в Академии». Каждые 20 лет Академия должна отправлять географические экспедиции, в которую должны входить географы, астрономы и «из других команд», то есть не только из Академии, геодезисты. Ломоносов рекомендует использовать «ревизионное время», то есть перепись населения, когда ревизоры могут оказать помощь в получении новых географических сведений. Для астрономических наблюдений «чрезвычайных явлений» на небе нужно посылать специальные экспедиции обсерваторов, поручая им, кроме наблюдений, градусные измерения, фиксацию уровня воды в реках и т.д.

Механик должен заниматься изобретением новых машин «для облегчения трудов человеческих», под его смотрением в Инструментальной палате делать и исправлять астрономические, физические и географические инструменты.

Ординарный академик физики имеет в своем распоряжении Физическую экспериментальную палату и должен стараться, чтобы она была снабжена необходимыми инструментами, особенно «новейшего изобретения других и его собственного». Использовать инструменты «для приращения натуральной науки новыми опытами» может не только академик, но и адъюнкт и студент.

Химик имеет Химическую лабораторию, при которой должен быть и минералогический кабинет. Сам же химик должен знать «часть натуральной истории, а особливо минеральных тел и в рудном деле быть не чужд». Он должен химию более и более приближать к физике «и, наконец, поставить оную с нею в равенстве». Химик должен выполнять и практические задачи, полезные для общества.

Ботаник, он же профессор натуральной истории, содержит «Академический Ботанический сад, оранжерею, семена и сушеные

травники, все в исправном и надобном числе и количестве». Хорошо, если Ботанический сад будет в порядке и красив, «дабы показать не стыдно было посторонним любителям сея науки. В оранжерее содержать иностранные травы, сколько допустит здешний климат и сколько требуется к показанию ботанических разных систем для наставления учащихся» (84).

Анатом («анатомик» у Ломоносова) занимается своими научными исследованиями, и, как физиолог, должен находить подлинные причины состояния здорового и больного человеческого тела. Анатом должен заботиться и о Кунсткамере, изготавливая «анатомические препараты частей человеческих и других животных, [...] когда в ней что из таковых вещей обетшает или попортится». Он должен содержать в порядке Анатомический театр. В его же обязанности входит и знание зоологии, «то есть натуральной истории животных». Анатом «должен описывать внешний вид и внутреннее строение зверей, птиц, рыб и гадов, особливо здешних, рознящихся от иностранных или и совсем инде неизвестных».

Историограф собирает «всякого рода исторические известия для Академической библиотеки и для своего сведения». По мнению Ломоносова, не всякий историк может сравниться с Ливием или Тацитом, поскольку написание истории не всем посильно, так как «для того требуется сильное знание в философии и красноречии». Для ординарного академического историографа и того довольно, если «он для сохранения древностей издаст в народ некоторые части простым, но порядочным штилем». Интересно замечание Ломоносова, что при этом «мелочи, достойные ничего больше как вечного забвения», нужно исключать. «Есть довольно, – добавляет он, – и знатных приключений в российских деяниях, чем историограф может удовольствоваться свою и любопытных людей охоту». Поскольку историографу необходимо посещать государственные архивы «для справок в своих сочинениях», то необходимо, обращает внимание Ломоносов, чтобы историограф: «1) был человек надежный и верный и для того нарочно присягнувший, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать известий, надлежащих до политических дел критического состояния, 2) природный россиянин, 3) чтоб не был склонен в своих исторических сочинениях ко шпынству и посмеянию».

Юриспрудент должен «собирать все, что надлежит до российских новых и древних прав и для их объяснения, и приводить в систематическое расположение для пользы при сочинении прав российских». Но более всего, считает Ломоносов, нужно ему заниматься составлением определений юридическим терминам, при этом дефиниции эти должны быть точными, без излишеств, так как «употребление слов неограниченных и сомнительных и двусмысленных производит в суде великие беспорядки и отдаляет от правды к заблуждению и к ябедам».

Древностей ординарный академик – это специалист «по знанию старинных языков, которые уже из употребления вышли, и по искусству в древностях еврейских, греческих, римских и северных народов». В этих древностях он должен изыскивать все то, что имеет отношение к древнему состоянию «российских предков, также единоплеменных славянских и других, с ними смешанных народов, дабы приобрести большее просвещение в российских древностях, в чем, с историографом сносясь, могут подавать один другому доброе взаимное вспоможение» (85). Он же имеет должность академического оратора для публичных собраний, «хотя могут оную исполнять и другие академики, ибо случиться может геометр, анатомик или и химик, в красноречии искусный».

Академик, знающий восточные языки, должен вести переписку с учеными из восточных стран, собирать книги и известия «о состоянии тамошних стран, а особливо соседственных народов в рассуждении истории», для того, чтобы пользоваться этими знаниями при описании российских древностей.

Таковы должны быть направления деятельности и обязанности ординарных академиков в Петербургской Академии наук по проекту Регламента, предлагаемого М. В. Ломоносовым. Заметим, что каждому из них, помимо их ученых занятий, предписаны обязанности по поддержанию инструментальных палат, лабораторий, Географического департамента, Ботанического сада, Анатомического театра, Библиотеки и Кунсткамеры. То есть все то, что находилось в руках академической Канцелярии, по проекту Регламента Ломоносова передается в ведение академиков.

ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ АКАДЕМИИ НАУК

М.В. Ломоносов уделял большое внимание и деятельности почетных членов Академии. Говоря, что «жалованных» почетных академиков должно быть 10, он отмечал, что их общее число, как и корреспондентов, ограничивать не следует. Избираться все почетные члены и корреспонденты должны баллотированием «из ученых людей первого ранга, кои славными изобретениями и сочинениями учинились в свете знамениты», и распределялись бы они по тем же трем классам, что и академики в Петербургской Академии, по каждой профессии не более двух человек. Привлекать же в Академию людей «только по приватному знакомству или по рекомендации знатных людей» нельзя, так как России требуются люди, «способные к приращению наук новыми изобретениями, а не сочинители только известных дел новою формою» (86). А вот корреспондентами могут быть избраны не только ученые, но и любители наук. И если почетными членами, особенно на академическое жалованье, следует принимать только иностранцев, то корреспондентами могут быть и россияне, «у которых известна охота и любопытство к изысканию надлежащих до наук известий, хотя в них основательного учения и не положили». Таких людей нужно специально искать по российским губерниям, чтобы они присылали в Академию свои наблюдения.

Ломоносов возлагал на почетных членов Академии большие надежды и обязанности. Они должны сообщать о своих исследованиях, о всех научных новостях, наблюдениях, опытах, путешествиях; присылать новые книги. По Ломоносову, необходимо это для того, чтобы видеть, какую пользу «чужестранные члены» могут принести Академии и какую Академия им, чтобы по необходимости проводить и совместные исследования. Иностранцы почетные члены для Ломоносова – это не только связь между Петербургской Академией и европейской наукой, но и возможность кооперации научной деятельности. Почетные члены должны выполнять и другие поручения Академии: проводить по ее заданиям исследования, помогать в решении спорных научных вопросов, даже путем участия в голосовании.

Раз в год они должны присылать свои сочинения для издания в академических трудах, особенно это касалось тех, кто получал жалованье от Академии. Почетные члены в случае необходимости могут рекомендовать ученых для избрания в действительные члены Академии, представив кандидата, «описав верно их знание, изданные

сочинения, лета, службу, нравы и поведения». На почетных членов возлагались обязанности по руководству российскими студентами, которые будут присылаться в их страну. При этом, учитывая и свой опыт пребывания в молодые годы в Германии, Ломоносов пишет, что должны они не только заниматься организацией обучения студентов, но «иметь смотрение и правление» их поведения, о чем присылать известия в Академию. При этом Ломоносов предлагал освободить почетных членов и корреспондентов «от почтовых расходов, каковые должны покрываться из академической казны».

Корреспонденты, добившиеся успехов в науках, могут быть избранными в почетные члены, а из почетных – и в действительные.

Всех ученых, причастных Академии, Ломоносов предлагал снабжать дипломами с подписями разного достоинства, от президента до конференц-секретаря. Дипломы должны быть на пергаменте, для ординарных академиков и жалованных почетных членов за «большою академическою печатью в серебряном и позолоченном ковчежце», для корреспондентов и почетных членов «безжалованных» – «за малою печатью просто».

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЗАСЕДАНИЯ: ОБЫКНОВЕННЫЕ

Рассмотрев состав Академии, Ломоносов переходит к описанию того, какими он видит заседания Академического собрания. Их он разделяет на обыкновенные, чрезвычайные и публичные.

Дважды в неделю, в определенные дни, а именно по понедельникам и пятницам, должны проходить обыкновенные заседания, на которых рассматриваются научные вопросы, где члены собрания докладывают о своих трудах, и «экономические». Таким образом, Ломоносов передавал Академическому собранию ведение всех, в том числе и финансовых, дел Академии. Чрезвычайные собрания назначаются руководителями Академии, если необходимо выполнить запросы других ведомств.

Вопросы ведения заседания Ломоносов расписывает до мелочей, понимая, как важно регламентировать их, чтобы избежать ненужных недопониманий, а порой и распрей между академиками.

Заседают в Академии по старшинству вступления в Академию: сначала ординарные академики, потом экстраординарные, потом адъюнкты. Журнал Академического собрания должны подписывать все его члены, а не только конференц-секретарь (как это делал Г.Ф. Миллер). Академики, избранные проректором Университета, библиотекарем, конференц-секретарем и на другие административные должности, преимуществ в старшинстве на академических заседаниях не имеют. То есть не должность определяют положение того или иного академика в собрании, а только его старшинство избрания в Академию. Учел Ломоносов и возможную недобросовестность некоторых академиков, которые могут игнорировать общие заседания. Если академик отсутствует в собрании «без законного и заблаговременного извинения», то у него вычитается часть жалованья.

Перед обсуждением научных сочинений Ломоносов предлагал прочитать и рассмотреть поступившие в Академию письма, определив, какой ответ дать на каждое письмо. В случае поступления на имя академиков частных писем, ответы на них составляются в частном порядке, но если в них обсуждаются научные проблемы, то М.В. Ломоносов считал необходимым обсудить их в Собрании. Ведет переписку конференц-секретарь, который от имени Академии без ее ведома не должен ничего сообщать, требовать, обещать, посылать «без общего согласия от всего Собрания». Все письма должны записываться в журнал, к которому прилагаются точные копии писем. Журнал же подписывается всем собранием академиков.

М.В. Ломоносовым предлагался следующий порядок обсуждения научных работ. «Сочиненная диссертация» поступает к секретарю, который записывает ее в журнал, указывая время, когда она получена. Далее работа рассылается членам Академического собрания «по домам для прочтения». Академики должны ознакомиться с диссертацией, на что им дается не более двух недель. На заседании диссертации читаются автором в том порядке, в каком они поступили к секретарю. В собрании ведется обсуждение представленных научных работ и, если замечания касаются «не до главного дела всей материи», то автор обязан ошибки «беззастенчиво» исправить.

На этом Ломоносов особенно настаивает, добавляя, что диссертации читаются и обсуждаются в Академическом собрании не для того, чтобы постыдить автора замечаниями или указанием на ошибки, а «чтоб

изыскать самую правду». При этом академики должны избегать «досадительных речей», за чем должны следить президент и вице-президент. Те, кто все-таки позволяют себе оскорбления в адрес автора, должны быть наказаны выговорами, наложением молчания или даже штрафом. Если в сочинении представлены новые опыты и наблюдения, то академики должны прежде решить, действительно ли они новые, и не изобретены кем-то раньше. Опыты, если это позволяют возможности и время, можно представить и прямо в зале заседаний («конференцкой палате»). В противном случае академикам нужно собраться дома у автора. Если же наблюдение или опыт «случается не всегда или в отдалении, то положиться на честность автору, буде нет довольных причин к сомнительству».

ИЗДАНИЕ ТРУДОВ АКАДЕМИИ НАУК

Регламентирует Ломоносов и издание академических трудов, которыми также ведает Академическое собрание. Структура основного издания Академии – «Комментариев» – должны быть, по его мнению, следующей.

Прежде всего печатается дедикация (посвящение) или краткое предисловие. Далее должен быть раздел по «истории» Академии, под которой Ломоносов понимает изложение всего того, что произошло в Академии за тот год, за который печатаются ее труды: краткое содержание диссертаций, экстракт из журнала Академического собрания, где особо нужно показать переписку академиков с учеными, изложить новости, которые присылались корреспондентами, и другие события, «служащие к чести Академии». Сами научные труды публикуются по классам, а внутри классов – по времени их поступления в Собрание. Каждый год нужно публиковать имена академиков, почетных членов и корреспондентов. Вопросы публикации сочинений в «Комментариях» рассматривают «главные командиры, секретарь и ординарные члены» соответствующего класса.

Приватные труды академиков издаются с обязательной апробацией Академического собрания, о чем обязательно «припечатывается» в книге. Если такой апробации не было, и нет в книге указания на нее, то этот труд не считается академическим.

Как уже было показано, М.В. Ломоносов считал, что Академия наук не должна содержать за свой счет типографии и книжную лавку, и в своем проекте Регламента выводил их из состава академических департаментов. Издавать в свет академические труды, по мнению ученого, можно в любой казенной типографии. При этом он добавляет, что нужно использовать, прежде всего, ту типографию, «которая произошла и возросла из академической суммы и должна Академии чинить всякое угождение и поспешествование». Все издаваемые для Академии и для Университета и Гимназии книги, а также календари, географические карты и атласы нужно печатать в этой типографии за счет Академии и продавать купцам в розницу или оптом по умеренной цене («с умеренными барышами») через книжную лавку при типографии. За всем этим должен смотреть академический казначей, который, как помним, назначался из ординарных академиков. Надо отметить, что предложения Ломоносова по организации академической книжной торговли свидетельствуют о его недюжинных коммерческих способностях. Так в записке от апреля 1763 г. (87) Михаил Васильевич считал даже, что академическую Московскую книжную лавку надо закрыть, а книжной продажей должны заниматься купцы, которые приобретают книги у Академии и дальше продают по всем городам России, «ибо что до общей пользы касается, то будут книги по государству расходиться удобнее, затем что всякий купец, сняв несколько сот экземпляров по указной цене, всячески будет стараться товар свой с рук сбыть скорее, довольствуясь умеренною прибылью, станет рассылать и развозить по городам, где у него есть торг или корреспонденты, и таким образом не токмо по губерниям, но по провинциальным и по уездным городам разойдутся и распространятся книги, а с ними учение и общенародное просвещение» (88).

Академическая книжная лавка этого делать не может, потому что нет «охотников» ехать в Москву специально за книгами, продавец книгами не всегда в лавке сидит, «после обеда редко бывает». Вольный же купец и по домам книги разносит, уговорами старается книгу продать, потому что «для своей собственной прибыли ничего не пропустит». Да и книги, пишет Ломоносов, он дешевле продает, потому что «барыши не тем одним бывают велики, что берут много, но (и тем, что) не многою накладкою, да многим числом накладок. Например, продавши в год пятьсот книг и взяв барыша по две гривны, получим прибыли сто рублей, но взяв барыша только по гривне, а

продав в год тысячу книг, равным будем пользоваться прибытком, ибо что дешевле, то покупают больше». Купцы будут иметь прибыль, а «государство – великую пользу» (89).

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЗАСЕДАНИЯ: ПУБЛИЧНЫЕ

М.В. Ломоносов придавал большое значение проведению публичных собраний, цель которых показать обществу труды Академии. Он считал, что проводить такие собрания можно дважды в год: в начале января и в начале июля. Однако на торжественные государственные праздники также нужно проводить публичные собрания. Главное, отмечает Ломоносов, нужно следить, чтобы проводились они не реже раза в год. На публичных собраниях должны заслушиваться по три сочинения, по одному от каждого класса наук. Выбор их определяется по старшинству академиков или баллотированием. Все предлагаемые к публичному собранию сочинения должны быть апробированы в Академической конференции. Сочинения должны быть одно или два на русском языке, а третье – на латинском. Учитывает Ломоносов и то, что кто-нибудь из присутствующих на собрании знатных персон может не знать ни русского, ни латинского языков. Тогда одно сочинение должно быть прочитано по-немецки или по-французски. Видимо, досадные случаи плохого произнесения речей были часты, и Ломоносов написал о требованиях к оратору, который должен быть «совершенно искусен в рассуждении исправного штиля и чистого выговору». Русские ученые должны выступать перед публикой на русском языке. Почетные члены, если они участвуют в таких собраниях, говорят на латинском или своем родном языке.

Публичное собрание не должно длиться более двух часов. Для привлечения внимания к наукам желательно демонстрировать перед публикой опыты, которые не требуют много места и времени, не опасны. Хорошо, если публике покажут новые научные инструменты, хорошо нарисованные карты и чертежи.

На публичном собрании должно производиться и награждение («сто червонных») тех, кто решил ранее объявленную конкурсную задачу.

Члены Академического собрания должны сидеть лицом к слушателям. Оратор выступает стоя. Но если публичное собрание посетила монаршая особа, то и все члены Академического собрания должны

стоять. Публика должна быть прилично одета. На собрании обязательно должны присутствовать студенты.

Некоторые частные замечания М.В. Ломоносова являются свидетельством того, как проходили публичные собрания. Видимо, руководители Канцелярии, завидев знатных слушателей в публичном собрании Академии, спешили с заискиваниями одарить их книгами, программами и т.п. Такое случалось в начале собрания и в его конце, и можно представить, как отвлекалось внимание публики. Рассылать книги по распоряжению президента или вице-президента, считает Ломоносов, должен или конференц-секретарь, или сам автор.

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ – БРАТ АКАДЕМИИ НАУК»

Как уже подчеркивалось, в академической деятельности М.В. Ломоносов огромное значение придавал Гимназии и Университету: «Петербургский университет, друг, более того – единокровный брат Академии наук, который составляет с нею едину плоть и будет заодно с ней трудиться на пользу отечества» (90).

Преподавание в Университете должно вестись по факультетам, при этом деление на факультеты должно было быть сообразно государственным учреждениям. Ломоносов предлагал организовать обучение студентов в Университете по следующим факультетам: юридический, медицинский, философский. Юридический факультет необходим «для отправления правосудия и для ограждения прав каждого»; медицинский – «для сохранения людского здоровья и для попечения»; философский – для увеличения общественного благосостояния и для создания разных жизненных благ». Подготовлена ученым и программа лекций по каждому факультету. Петербургский университет при открытии должен быть торжественно объявлен, сообщены «преимущества и льготы» студентов. Как и в других европейских университетах, «где любознательные юноши питаются от щедрот государей», нужно определить число студентов (Ломоносов считает, что их должны быть сотни), которые будут учиться за казенный счет. Тех, кто будет учиться на свой «кошт», тоже будет много, даже из других стран: «Опорой нашим надеждам служат также великолепие города, величественность двора, многолюдство рынка, удобство порта и, наконец, громкие имена учителей» (91).

ГИМНАЗИЯ – «КЛАДОВАЯ» УНИВЕРСИТЕТА

«Кормилица» Университета, его «кладовая» – академическая гимназия. В Гимназии учеников, которые за казенный счет содержится, должно быть вдвое больше, чем в Университете. Предметы должны преподаваться так, чтобы школьники были готовы к обучению «высшего порядка», в Университете. Предметы в школьной программе должны быть «обыкновенны» и дополнительные. Без первых нельзя поступить в Университет. Это латинский и русский языки, начала математики и философии, которые распределяются по трем классам – низшему, среднему и высшему. К дополнительным предметам Ломоносов отнес греческий, немецкий и французский языки. Здесь же представлены разделы тех предметов, которые необходимо проходить в каждом классе.

В дошедших до нас записках М.В. Ломоносова о реформировании Академии наук нет специальных разделов о других департаментах, например, Физическом кабинете, Химической лаборатории, Обсерватории, Библиотеке и Кунсткамере, Географическом департаменте. Мнение о их положении и предложения по совершенствованию управления ими есть в «репортах», которые ученый настойчиво подавал в Канцелярию, о чем речь шла выше. Добавим, что когда в 1757 г. М.В. Ломоносов был назначен советником Академической канцелярии (92), он совместно с И. Таубертом и Ф.У.Т. Эпинусом подготовил Инструкцию для Географического департамента (93) о новом распределении обязанностей между его профессорами и адъюнктами, о порядке ведения работы, о требовании подачи ежемесячных рапортов, о собирании печатных карт не только России, но и других стран. Основная задача Географического департамента – исправление старых карт и составление нового Российского атласа. Ломоносов считал, что не только профессора, но и адъюнкты должны допускаться к работе в Географическом департаменте, имея там равный голос с профессорами. Адъюнкты должны вести протоколы всем собраниям департамента, хранить находящиеся там карты. Студенты имеют право посещать собрания департамента, тем из них, которые «в геодезии и в сочинении карт еще не довольно искусились, оным подавать в том должны гг. адъюнкты всякое наставление и показывать на Обсерватории употребление нужнейших инструментов, дабы они в случаях с пользою и надежностью к отправлениям в губернии и провинции

употреблены быть могли. Дни и часы для одного наставления назначить от Собрания географического, как наиудобнее будет» (94).

«ЗА ТО ТЕРПЛЮ, ЧТО СТАРАЮСЬ ЗАЩИТИТЬ
ТРУДЫ П[ЕТРА] В[ЕЛИКОГО]»

Отметим, что все предложения к реформированию Академии наук были Михаилом Васильевичем Ломоносовым выстраданы. Наблюдая разрушение самих основ Академии, заложенных Петром I, он боролся за восстановление славного имени Академии всеми доступными ему средствами. После смерти Елизаветы Петровны и вступления на престол Екатерины, оскорбленный постоянными унижениями, тем, что он обойден повышением по службе, в отличие от тех, кто повышений не достоин (И. Тауберт, Г.Н. Теплов), 24 июля 1762 г. Ломоносов подает прошение об отставке.

В этот же день он пишет письмо М.И. Воронцову с просьбой поддержать его просьбу об отставке и назначении ему пенсии: «Все мои будущие и бывшие рачения тщетны. Бороться больше не могу; будет с меня и одного неприятеля, то есть недужливой старости (95). Больше ничего не желаю, ни власти, ни правления, но вовсе отставлен быть от службы, для чего сегодня об отставке подал я челобитную его сиятельству Академии Наук г. президенту и о награждении пенсией для прокормления до смерти и с повышением ранга против тех, коими обойден» (96). Прощение Ломоносова было принято 2 мая 1763 г., но почти сразу же, 13 мая, и отменено. Ломоносову дали чин статского советника, повысили годовое жалованье. Но в Академии ничего не изменилось. Тяжело больной, в феврале–марте 1765 г. он набрасывает план беседы с Екатериной II (97), где пишет: «*Multa tacui, multa pertuli, multa concessi* [Многое принял молча, многое снес, во многом уступил. – Н.К.]». «За то терплю, – пишет здесь же Ломоносов, – что стараюсь защитить труды П[етра] В[еликого], чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство». На том же листе рядом начертил Ломоносов план дельты Северной Двины (98) с ее притоками и островами. О чем он думал, зарисовывая контуры родной реки, записывая: «Нет нигде места и в чужих краях»? Но оставалась вера в будущее: «Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют».

Главную причину тяжелого положения Ломоносов видел в непрофессиональном управлении – Академией наук должны управлять ученые, но застарелая болезнь – «шумахерщина» – осталась в Академии и после смерти советника Канцелярии. Академия не должна быть отягощена заботами и работой, направленной на получение «барышей», отвлекающих академиков от их истинных задач, потому что она должна содержаться на казенный счет.

Для развития науки в России и для просвещения Отечества необходимо воспитание собственных ученых, своих специалистов, своих образованных людей. Это – главный смысл заведения Академии наук. И тогда, мечтал Ломоносов,

«расширенная и оснащенная [...] Академия наук будет таковою не только по названию, но и по знаменитым делам своим и по истинной пользе, приносимой государству, и приобретет заслуженную известность во всем мире во славу Российской империи».

Зав. отделом (СПФ АРАН), к.филол.н.

Н.П. Копанева

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М., 1953. Т.1. С.43.
2. Берков П.Н. Литературные интересы Ломоносова // Литературное творчество М.В. Ломоносова: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. С.14.
3. Морозов А.А. Михаил Васильевич Ломоносов // Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л., 1986. С.6.
4. Материалы для биографии Ломоносова. Собраны экстраординарным академиком П. Билярским. СПб., 1865. С.42.

5. Куник А.А. Сборник материалов для истории Имп. Академии наук в XVIII веке. СПб., 1865. Ч.II. С.404.
6. Интересное и детальное историографическое рассмотрение судьбы архива Ломоносова можно прочитать в работе Е.С. Кулябко «Судьба архива» в кн.: Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б. Судьба библиотеки и архива М.В. Ломоносова. Л., 1975. С.71-143.
7. Вавилов С.И. Ломоносов и русская наука // Вавилов С.И. Собрание сочинений. М., 1956. Т.1. С.570.
8. Подобное деление типов ученых предложил Нобелевский лауреат по химии (1909), член-корреспондент Санкт-Петербургской Императорской Академии наук (1895) В.Ф. Оствальд (1853–1932). В книге «Великие люди» (пер. с нем.: СПб., 1910) он писал, что есть два типа ученых – романтический и классический. Романтический тип отличает разнообразие и оригинальность многочисленных, быстро следующих одна за другой, работ и сильное влияние на современников. «Немного, но зрелое», – таков девиз ученых классического типа, для которых характерны длительная отделка и совершенствование каждой работы, а также невнимание к мнению современников.
9. Ферсман А.Е. Ломоносов в истории русской культуры // Вестник АН СССР. 1940. №4-5. С.120.
10. Морозов А.А. Родина Ломоносова / Науч. ред. А.И. Копанев. Архангельск, 1975. С.4.
11. Там же. С.7.
12. Там же. С.8.
13. Ломоносов М.В. Всенижайшее мнение о исправлении Санктпетербургской императорской Академии наук // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. (Далее – ПСС). Т.10. С.15
14. ПСС. Т.10. С.546.
15. СПФ АРАН. Ф.3. Оп.1. Д.452. Л.22.
16. Материалы для истории Академии наук. СПб., 1879. Т.V. С.307-311.
17. Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова / Сост. В.Л. Ченакал, Г.А. Андреева, Г.Е. Павлова, Н.В. Соколова; Под ред. А.В. Топчиева, Н.А. Фигуровского, В.Л. Ченакала. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
18. СПФ АРАН. Ф.20. Оп.1. Д.1. Л.148-158.
19. СПФ АРАН. Ф.20. Оп.4. Д.1. Копия рукой архивариуса И.И. Стафенгагена. На нем. яз. Перевод см.: ПСС. Т.10. С.24.
20. СПФ АРАН. Ф.20. Оп.1. Д.1. Л.255-259. Черновик писарской рукой. С пометами, добавлениями и подписью-автографом М.В. Ломоносова.

21. Там же. С.160-182. Первые две части и «приступление» – автограф; часть 3-я – писарский почерк с исправлениями и дополнениями М.В. Ломоносова красными и черными чернилами.
22. Там же. Д.2. Л.5-6. Черновой автограф.
23. Там же. Л.310-316. Черновик писарской рукой с поправками и дополнениями М.В. Ломоносова.
24. Там же. Л.292-307. Черновой автограф. На лат. яз.
25. СПФ АРАН. Ф.3. Оп.1. Д.475. Л.131; Д.534. Л.126об.
26. СПФ АРАН. Ф.20. Оп.1. Д.2. Л.308. Черновой автограф. На лат. яз.
27. Местонахождение рукописи неизвестно. Впервые напечатано: Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С.652-669. В ПСС (Т.10. С.138-160) документ опубликован по П.С. Билярскому.
28. СПФ АРАН. Ф.20. Оп.3. Д.30. Л.1-43. Черновой автограф.
29. СПФ АРАН. Ф.136. Оп.2. Д.43. Л.1: Письмо Л. Эйлера К.Г. Разумовскому. 10 ноября 1747 г.
30. СПФ АРАН. Ф.20. Оп.3. Д.45. Л.8-9об.: «Ода 6. Преложение псалма 143». Писарская копия с правкой Ломоносова. Опубликована вместе с переложениями этого же псалма В.К. Третьяковским и А.П. Сумароковым одним изданием «Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцев, из которых каждой одну сложил особливо. СПб., 1744».
31. СПФ АРАН. Ф.20. Оп.1. Д.1. Л.148.
32. Ломоносов М.В. Слово похвальное блаженным памяти государю императору Петру Великому... // ПСС. Т.8. С.591.
33. ПСС. Т.10. С.311.
34. Там же. С.40.
35. Там же. С.297.
36. Там же. С.46.
37. Там же. С.12.
38. Там же. С.38-39.
39. Там же. С.41.
40. СПФ АРАН. Ф.20. Оп.1. Д.2. Л.176-177об.: Черновой автограф М.В. Ломоносова.
41. ПСС. Т.10. С.13.
42. Там же. С.119.

43. ПСС. Т.10. С.62.
44. Там же. С.13.
45. Там же. С.16.
46. Там же. С.17.
47. Там же. С.17.
48. Там же. С.18.
49. Там же. С.17.
50. Там же. С.50.
51. Там же. С.19-20.
52. Там же. С.20.
53. Там же. С.49.
54. Там же. С.20.
55. Там же. С.13.
56. Там же. С.21.
57. Там же. С.19.
58. Там же. С.52-53.
59. Там же. С.48.
60. Там же. С.52-53.
61. Там же. С.26.
62. Там же. С.62.
63. Там же. С.23.
64. Там же. С.14-15.
65. Там же. С.16.
66. Там же. С.116.
67. Там же. С.116.
68. Там же. С.15.
69. Там же. С.116.
70. Там же. С.16.

71. Там же. С.116.
72. Там же. С.118.
73. Там же.
74. Там же. С.119.
75. Там же. С.120.
76. Там же. С.121.
77. Там же. С.136.
78. Там же. С.122.
79. Там же. С.122.
80. Idea status et legum Academiae Petropolitanae (Предположения об устройстве и уставе Петербургской Академии). 21 мая 1764 // ПСС. Т.10. С.93-133.
81. Там же. С.139.
82. ПСС. Т.10. С.141.
83. Там же. С.127-128.
84. Там же. С.148.
85. Там же. С.49
86. Там же. С.150-151.
87. СПФ АРАН. Ф.3. Оп.1. Д.474. Л.100-101.
88. Там же. Л.100.
89. Там же.
90. ПСС. Т.10. С.122-123.
91. Там же. С.123-124.
92. СПФ АРАН. Ф.3. Оп.1. Д.527. Л.105: Выписка из журнала Канцелярии АН о вступлении Ломоносова в исполнение обязанностей члена Канцелярии. 1 марта 1757 г. Подлинник писарской рукой. Подписи-автографы М.В. Ломоносова, И.Д. Шумахера, И. Тауберта.
93. СПФ АРАН. Ф.3. Оп.1. Д.219. Л.159-162: «Инструкция Географическому Департаменту», составленная М.В. Ломоносовым, И. Таубертом и Ф. Эпинусом. До 3 октября 1757 г. Писарский почерк. Правка М.В. Ломоносова.
94. Там же.
95. Ломоносову в июле 1762 г. был всего лишь 51 год.

96. СПФ АРАН. Ф.20. Оп.3. Д.134. Л.21-22. Подлинник.

97. СПФ АРАН. Ф.20. Оп.1. Д.2. Л.204об.

98. Там же.

ОСНОВОПОЛОЖНИК НОВОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Н.Ю. Алексеева

ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, к.филол.н.

Ломоносов явился в русской поэзии внезапно, уже готовым и зрелым поэтом. Его первая оригинальная ода «На взятие Хотина», поразив первых читателей, остается точкой отсчета новой русской поэзии, новой русской мысли:

*Из памяти изгрызли годы,
За что и кто в Хотине пал,
Но первый звук Хотинской оды
Нам первым криком жизни стал.*

Ода была написана Ломоносовым во Фрейберге осенью 1739 г. по случаю взятия русскими войсками турецкой крепости Хотин (19 августа 1739 г.) и послана им в Петербург в качестве примера нового русского стиха. Оду сопровождал трактат в форме открытого письма «О правилах российского стихотворства», в котором кратко, четко и с неизвестной русской литературной теории свободой излагались законы новой для русского языка силлабо-тонической метрики. «Письмо» и ода означали революцию русской поэзии. Однако революция эта была подготовлена предшественником Ломоносова в деле преобразования литературы – В.К. Тредиаковским.

Его и имел в виду в «Письме» Ломоносов, последовательно отвергая все положения произведенной им реформы русского силлабического стиха. Формально же «Письмо» и ода были адресованы Российскому собранию при Петербургской академии наук, лидером которого был Тредиаковский. Еще до отъезда в Германию Ломоносов приобрел его «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735) и, читая книгу, пестрил ее своими критическими пометами. Из помет и «Письма» видно, что Ломоносов не принял нового стиха

Тредиаковского во всей его совокупности, включая сюда не только метрику, ритмику, систему рифмовки, но и его интонационные возможности, образный ряд, стиль и язык. Половинчатая реформа Тредиаковского 1735 г., коснувшаяся только длинных стихов, в которые при сохранении силлабической меры вводилась дополнительная тоническая мера, при ограничении русской метрики хореем, а русской рифмики – женской рифмой, была Ломоносов отвергнута. В основу новой силлаботоники Ломоносов положил тонический принцип, тем самым полностью порвав с силлабикой.

Тонический принцип силлаботоники, заключающийся в строении стиха на основе равного числа, определил вхождение в русский стих, помимо хореев, ямба и всех трех трехстопных метров, равноправие мужской, женской и дактилической рифм. Это позволило свободно звучать русским стихам во всех возможных метрах и размерах, со всеми возможными рифмами и без них. Таким образом Ломоносов завершил начатую Тредиаковским реформу русского стиха. Введенная им система стихосложения лежит в основании всей последующей русской поэзии.

Хотинская ода решила и другие поставленные Тредиаковским вопросы по преобразованию русской поэзии. Русская силлабическая поэзия отличалась ровным и взвешенным лирическим чувством, которому соответствовало не только виршевое ее построение, но и ее стиль, избегающий высоты и выпренности. В лирике (то есть в одах и песнях) русская силлабика ориентировалась на оды Горация. В 1734 г. Тредиаковский в манифесте новой русской лирики «Рассуждение о оде вообще» предложил обновить русскую поэзию неизвестной в России формой оды, высокой и пламенной, связанной в европейской поэзии с именем древнегреческого поэта Пиндара (522/518 – 448/438 до н.э.). Русским образцом такой оды должна была послужить изданная вместе с трактатом ода Тредиаковского «На сдачу города Гданска». Однако Гданьская ода не оказала решающего воздействия на русскую лирику, отчасти потому, что была написана силлабическим стихом. Ямбы Хотинской оды обеспечили необходимое для пиндарической оды громкое стремительное звучание, и Хотинская ода означила переворот в русской лирике от горацианской оды к пиндарической, от умеренного лирического выражения к высокому. Высокая ода и стала главным вкладом Ломоносова в русскую поэзию и неразрывно связана с его именем.

Высокая ода предполагала и реформу поэтического стиля. До этого в русской силлабической поэзии господствовал средний стиль, соответствующий умеренной, проецируемой на горадианство лирике. Примерно с середины 1730-х гг. в русской культуре стала ощущаться потребность в высоком поэтическом стиле и в высокой поэзии. Первым это почувствовал Тредиаковский. В «Рассуждении о оде вообще» он призывал к «высокости» и «великолепию речей», однако сам в создании высокого стиля не преуспел. Ломоносов, размышлявший вслед за Тредиаковским о «высокости» в поэзии и способах ее достижения, решал этот вопрос в духе классического трактата Псевдо-Лонгина «О возвышенном», внимательно изученного им в Марбурге. Согласно Псевдо-Лонгину, высота поэтической речи зависит от высоты поэтического духа. Позднее замечательный исследователь Ломоносова Л.В. Пумпянский, не знавший еще о влиянии на Ломоносова Псевдо-Лонгина, объяснял феномен «парящего» стиля Ломоносова в полном соответствии с его учением: «парение слов предполагает парение мыслей». Можно говорить о том, что именно в Хотинской оде родился новый для русской поэзии высокий стиль.

Достижения Хотинской оды, напечатанной с незначительными изменениями только в 1751 г. (редакция 1739 г. не сохранилась), были поддержаны Ломоносовым уже после его возвращения в Петербург в июне 1741 году. Свое открытие новой русской поэзии он считал необходимым сообщить русскому обществу.

В течение первых месяцев пребывания на родине он создает две оды: императору Иоанну Антоновичу «Нагреты нежным воды югом...» и «Первые трофеи» – которые были изданы в журнале «Примечания на Санкт-Петербургские ведомости» (Ч.66–68,73,74), вторую оду Ломоносов выпустил также отдельно. Только теперь по этим изданиям русский читатель мог оценить произошедшую в русской поэзии революцию. Ломоносов становится первым поэтом в стенах Академии наук. В декабре 1741 г. ему поручают перевести немецкую оду академического поэта Я.Я. Штелина, приветствовавшего от имени Академии наук только что вступившую на императорский престол Елизавету Петровну. Вскоре Ломоносову был поручен перевод с фр. языка пролога Штелина «Россия по печали паки обрадованная» к опере П.А.Д. Метастазиио «Clemenza di Tito» для ее постановки на коронационных торжествах в Москве, затем – перевод

панегирического стихотворения В.-Фр.-Г. Юнкера «Венчанная надежда». В феврале 1742 г. Ломоносов создает новую оду, приветствовавшую прибывшего из Голштинии наследника престола Петра Федоровича. Русское общество с восторгом встречало оды Ломоносова. По словам фактического руководителя Академии наук И.Д. Шумахера, у Ломоносова появились почитатели, «которые превозносили до небес его стихи». Ему пытались подражать, однако освоить новую систему стихосложения оказалось трудно, тем более что ненапечатанное «Письмо о правилах российского стихотворства» оставалось известным лишь узкому кругу лиц. Для облегчения усвоения стихотворцами силлаботоники и нового поэтического стиля Ломоносов намечал вести в стенах Академии наук специальные занятия, чтобы «обучать» желающих «в стихотворстве и штиле российского языка», то есть поэтике и риторике.

Занятия должны были проходить ежедневно «после полудни с 3 до 4 часов», но начавшиеся в Академии наук беспорядки помешали этому замыслу. Поэтам приходилось осваивать новую систему стихосложения исходя не из теоретических положений, а подражая образцам нового стиха, явленного в одах Ломоносова. Это определило особенность русской поэзии середины XVIII века. Именно ямб, причем четырехстопный ямб, на долгое время становится основным ее размером, а высокая ода – основным жанром. Заслугой Ломоносова стало не только создание, но и разработка ямба, главным образом четырехстопного, с его метрическими, синтаксическими и интонационными возможностями.

Первыми освоили новую систему стихосложения Тредиаковский и А.П. Сумароков. Однако и они перешли к ней не сразу, а только, по видимому, к 1743 году. Летом этого года, когда Ломоносов находился под домашним арестом, навещавшие его Сумароков и Тредиаковский обсуждали с ним вопрос об изначальном смысле стихотворного метра. Ломоносов развивал мысль, высказанную им еще в «Письме о правилах российского стихотворства», что «...», то есть о изначальном присущем ямбу высокому звучанию и смысле, в хорее же он находил «нежность». В отличие от Ломоносова, Тредиаковский в стихе считал значимым не метр, а размер, или длину стиха, а сами стопы воспринимал как равнозначные. Для разрешения спора Сумароковым было предложено устроить поэтическое состязание, в котором на

примере переложения 143 Псалма предлагалось доказать справедливость высказанных положений.

Результаты соревнования должны были быть отданы на суд читателя. Книга «Три оды парафрастические» вышла в начале 1744 года (на титуле – 1743), анонимно напечатанные переложения открывались предисловием Тредиаковского, в котором излагались мнения участников состязания. Ломоносов переложил псалом короткой четырехстишной строфой четырехстопного ямба, Сумароков – шестистишной ямбической строфой, Тредиаковский – десятистишной строфой четырехстопного хорей. Однако соревнование, о результатах которого судить трудно (в списках ходили и ода Ломоносова, и ода Тредиаковского), спора не прекратило. Тредиаковский еще долго продолжал оспаривать взгляд Ломоносова на ямб и хорей, хотя тот больше и не высказывался публично по этому вопросу. Это первая в России открытая стиховедческая полемика в XIX веке стала предметом пристального изучения. К ней обращались главным образом стиховеды, которые в своем большинстве признавали правоту Тредиаковского, приписывая его взглядам свое семиотическое их толкование. С точки зрения мировоззрения XVIII века и в перспективе развития русского стиха взгляд Ломоносова отличает понимание тонической ценности стопы, а взгляд Тредиаковского определен более традиционным (силлабическим) восприятием метрики. Потерпев в 1742 г. неудачу с лекциями, Ломоносов задумал изложить теорию новой русской литературы в традиционной форме руководств. В течение 1743 г. он создал первую на русском языке риторику «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия», в котором в качестве примеров риторических фигур использовал отрывки из своих оригинальных произведений, демонстрировавшие новые в русской поэзии размеры.

Это были, прежде всего, четырехстопные ямбы торжественных од, но также и хорей любовной песни, трехстопный ямб анакреонтического стихотворения, александрийский стих, гекзаметр и амфибрахий из переведенных им древних авторов. В январе 1744 г. рукопись риторики была отправлена в Москву Штелину для поднесения ее вел. князю Петру Федоровичу, которому Ломоносов посвящал свой труд. Однако отосланная обратно на рассмотрение Академического собрания, рукопись 16 марта 1744 г. была возвращена Ломоносову на доработку. Академики, исключительно тогда иностранцы, не смогли

увидеть в русском языке риторики важнейшего ее достоинства и рекомендовали ему перевести ее на латинский язык. Смutilo их также преобладание в ней примеров из собственных сочинений и из древних, а не новых поэтов.

С 1744 г. по 1747 г. Ломоносов коренным образом переработал «Краткое руководство к риторике...», создав «Краткое руководство к красноречию...». Главное требование своих коллег он не выполнил, оставив руководство на родном языке. Это обеспечило его доступность всякому русскому читателю. В течение полувека риторика Ломоносов оставалась главным, а до 1778 г. единственным, русским руководством по красноречию. Обилие примеров, главным образом из древних авторов, но также из авторов Средневековья и Возрождения (из «новых» «риторов» вошли лишь Э. Флешье и И.-Л. Мосгейм), переведенных Ломоносовым на русский язык, придали этому сочинению значение антологии мировой литературы.

Примеры из собственных стихотворений (другие русские авторы не приводятся) поставили их в один ряд с лучшими достижениями европейской поэзии. Новая риторика включала в себя новые главы «о возбуждении, умалении и изображении страстей» и «о хрии»; в самостоятельные главы выросли некоторые положения «Краткого руководства к риторике». Используя самые разные источники словесной теории, Ломоносов в своей риторике опирался на философию знаменитого в то время немецкого философа Хр. Вольфа и в большой мере был зависим от немецкой классицистической риторики И.-К. Готшеда «Опыт критического рассмотрения поэтического искусства» («Versuch einer critischen Dichtkunst...», 1730). Главное отличие риторики Ломоносова как от немецкого, в то время прославленного, образца, так и от русских (на латинском языке) школьных риторик состоит в средоточии его внимания на теории высокого стиля. В 1756–1758 гг. Ломоносов расширит теорию высокого стиля стилем средним и низким, создав теорию трех штилей.

По мысли Ломоносова «Краткое руководство к красноречию...» представляло собой первую часть общей теории словесности, которую он намечал изложить в следующих за нею руководствах. «Ораторию, или Наставление к сочинению речей в прозе» он упоминал как уже готовую в письме к И.И. Шувалову от 31 мая 1753 г. (следов работы не сохранилось). Завершать теорию словесности должна была поэтика. О работе над ней свидетельствует его отчет за 1751 г., в котором

указывается, что он в течение этого года «диктовал студентам сочиненное» им «начало третьей книги “Красноречия” о стихотворстве вообще».

Однако следов этой книги после его смерти обнаружено не было. Возможно, что и ненаписанная, но продуманная поэтика Ломоносова служила основой тех «наставлений» сначала в стихосложении, а затем в «поэзии», которые он давал своему любимому ученику, в будущем замечательному поэту Н.Н. Поповскому (1730–1760) в течение весны, лета и осени 1752 года. Через год после этого отголоски теории поэзии прозвучали в письме Ломоносова к Шувалову от 16 октября 1753 г., вызванному жалобой на развернувшуюся в его адрес стихотворную критику. Больше никаких следов теории поэзии Ломоносова не сохранилось.

На основании высказанных в обеих риториках суждений, разбираемых в них фигур речи и приведенных стихотворных примеров можно составить общее представление о теории поэзии Ломоносова. Она, вероятно, соответствовала его теории стиля и его поэтической практике. Поэзию Ломоносова отличает строгое ограничение жанрового репертуара высокими жанрами. Кроме од, в нем присутствуют надписи и эпистолы, трагедии и начало эпопеи. При этом надписи и эпистолы, написанные высоким стилем и посвященные высоким предметам, превращены Ломоносовым из средних жанров в жанры высокие. Ни элегий, ни песен, ни сатир, ни идиллий (за исключением панегирической драматической идиллии «Полидор», 1750) Ломоносов не создал. Сосредоточенность Ломоносова на высокой поэзии, возможно, и помешала ему создать поэтику. Теории средних и низких жанров у него, по-видимому, не было.

Ведущим жанром в творчестве Ломоносова была ода, хотя им создано всего двадцать торжественных од (т.е. од, написанных по случаю какого-либо государственного торжества).

Большая их часть посвящена императрице Елизавете Петровне и написана по поводу празднования дня ее восшествия на престол или дня коронавания. Отработанная и почти неизменная форма торжественных од Ломоносова утвердила канон русской оды: деление на строфы по десять стихов, определенный круг тем и устойчивый одический словарь. Форма ломоносовской оды сложилась под

влиянием французской и немецкой классицистической оды, из них же заимствованы отдельные приемы и темы. В то же время Ломоносов опирается и на русскую панегирическую традицию.

Главное отличие ломоносовской оды как от русских панегириков, так и от немецких классицистических од заключается в подчинении всей оды особому поэтическому духу – восторгу. Восторг, энтузиазм, или восхищение – особая категория доромантической эстетики, означающая в искусстве умственное созерцание предмета, рассмотрение его умными очами. «Восхищение есть, когда сочинитель представляет себя как изумленна в мечтании от весьма великого, нечаянного или страшного и чрезвычайного дела», – говорит Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию». «Изумление» и «удивление» в одах Ломоносова испытывает не только поэт, но и нимфа («Там видя Нимфа изумленна...»), Нева («Сомненная Нева рекла...»), Нептун («И с трепетом Нептун чудился...»), народ («Безгласны красоте чудимся...»), Европа («Европа, ныне восхищенна, Внимая смотрит на восток, И ожидает изумленна...») и весь свет («...весь пространнй свет Наполненный, страшась, чудится...»). Восторг, или восхищение определяет и другое состояние поэта «мечтанье». В «мечтанье», в «бодрой дремоте» ему открываются самого разного рода видения.

В этом состоянии он видит «умными очами», «мысленным взором» недоступное простому глазу. Восторгаясь духом в наднебесье, он парит и смотрит на все с идеальной высоты. Свое определение восхищения Ломоносов иллюстрирует стихами Овидия, в которых передано надмирное ощущение:

Я дело стану петь, не сведомое прежним!

Ходить превыше звезд влечет меня охота

И облаком нестись, презрев земную низкость.

Мысленному взору поэта открывается весь мир, в его настоящем, прошлом и будущем, во всей его огромности и безбрежности. Это определяет пространство изображенного в оде мира: моря, горы, полюса, части света, огромная Россия – все доступно взору поэта, и дано в едином фокусе его мысленного зрения. Пространство в оде изображается с идеальной высоты, образуя одическую горизонталь.

Одическую вертикаль образует время. Герои классической древности, русские князья и цари, библейские цари и герои видятся поэту одновременно, к ним он по-разному обращается. Как и части света, они присутствуют в оде одновременно. Это фокус исторического «мысленного взора»: времена изображаются из опыта вечности. Поэт, таким образом, оказывается как бы над пространством и временем, или вне времени и пространства. С запредельной высоты мир предстает огромным и многообразным, и, что самое важное, гармоничным. По своей высоте и по чистому своему восторгу оды Ломоносова остались в русской поэзии явлением уникальным.

Круг тем и ценностная система высокой лирики была определена Ломоносовым в одах 1742–1743 гг.

Главным героем поэзии становится Россия и русский народ, а поэт – глашатаем его бедствий и чаяний. Идеалом государственной мудрости провозглашается Петр I. Мир («тишина») расценивается как высшее благо государственного существования, война же представляется необходимостью, «положенной судьбой» для испытания народа. Воспевая победы и сражения, Ломоносов не забывал о «плачевном побежденных стоне», что диссонировало с обычной мажорной одической тональностью и вызывало насмешки Сумарокова. Горячее желание благополучия России сообщает одам Ломоносова удивительное напряжение, а чувство сострадания к врагам и побежденным – подлинно гуманный характер. Мир ломоносовских од озарен светом, настроению веселья и ликования, господствующему в них, соответствует стремительность и звучность стиха. В великолепных картинах мирной жизни, где царят весна, лето и осень, сказалась традиция европейской пейзажной поэзии.

Для од Ломоносова характерна тонкая оценка внутренней и внешней политической жизни России. Мирное процветание российской державы, ее будущее неразрывно связаны для Ломоносова с расцветом наук и развитием промышленности. Ломоносов мыслит феномен русского просвещения по средневековой модели: музы, странствующие с востока на запад и с запада на восток, ныне обрели свое пристанище в Петербурге. Эта уверенность становится источником необыкновенной радости Ломоносова, освещающей его панегирики бодрой верой в будущее России. В духе петровской политики Ломоносов считает необходимым полное включение России

в европейскую цивилизацию, а ее историческую роль он видит в цивилизации восточных народов.

Изображение идеала просвещенного правления и идеальной русской государственности принадлежат к ведущим темам од Ломоносова, что позволяет рассматривать их как своего рода политическую программу.

Вопреки сложившемуся еще в XIX веке представлению, Ломоносов писал оды не по заказу, а по собственному побуждению. Не сохранилось ни одного документа, связанного с распоряжением Академической канцелярии написать Ломоносову оду, не содержится сведений о работе над одами и в его академических отчетах. Ода Ломоносова была скорее свободным выражением верности, чем вынужденным панегириком, служебным заказом. Ее социальную функцию определяют строки Хотинской оды: «Прости, что раб твой к громкой славе <...> Придать дерзнул некрасный стих В подданства знак твоей державе». Большую часть своих од Ломоносов издавал самостоятельно на собственный счет отдельными изданиями, на титуле которых указывалось имя автора: «от всеподданнейшего раба Михайла Ломоносова» или «всеподданнейшей раб Михайло Ломоносов подносит». В действительности же, согласно этикету, оды и другие панегирики императорскому лицу подносил не поэт, а третье лицо, как правило, меценат. После 1751 года это был, по-видимому, И.И. Шувалов, до этого времени – М. И. Воронцов. Подносимые оды во многом определяли положение Ломоносова в обществе, доставляли ему покровителей, что в свою очередь определяло привилегированность его положения в Академии наук, но это было поощрением заслуг, а не расплатой за должность.

Продиктованные свободным волеизъявлением, оды Ломоносова выходили редко и нерегулярно. Проходили годы, когда Ломоносов од не писал. Первый период интенсивного одописания относится к первым годам петербургской жизни Ломоносова, когда за два года (1741–1743) им было написано пять од, второй – к 1746–1748 гг., третий – к 1761–1763 гг. В каждый новый период оды Ломоносова предстают в узнаваемом, но вместе с тем в новом облике. При определенном взгляде, это неизменное восхождение вверх. Уже в оде «На прибытие императрицы» (декабрь 1742 года) Ломоносов, казалось бы, достиг мыслимой вершины жанра, но новый период 1746–1748 годов показал, что подлинное раскрытие возможностей пиндарической оды произошло в этих одах, проникнутых возможной

для поэзии гармонией. Следующие три оды 1751–1754 года, при всем своем совершенстве, повторяют уже достигнутое: после од 1746–1748 годов высокая ода получить развития не могла. Но наступил 1757 год, а вместе с ним началась война с Пруссией. Пафосом оды 1757 года впервые становится не похвала России и монархине, не радость и благодарение за разлитое в государстве блаженство, а отношение поэта-гражданина к начавшейся войне. В этой и в следующих пяти одах Ломоносова панегирик перерастает в гражданственное выступление. Наибольшей славой из од Ломоносова пользовались Хотинская ода (А.П. Шувалов называл ее в числе лучших его произведений) и оды 1747 и 1748 гг. В оде 1747 г., написанной в год утверждения Регламента Академии наук, по словам А.Ф. Мерзлякова, «дышит небесная страсть к наукам». Уже в XVIII веке она стала хрестоматийной и образцовой. Как пример совершенства ее фрагменты приводит Г.Р. Державин в своем «Рассуждении о лирической поэзии...» (1811).

Положение Ломоносова-поэта окончательно упрочила ода 1748 г. «На день восшествия...», за которую императрица пожаловала ее автору «две тысячи рублей в награждение».

Кроме торжественных од, Ломоносов в течение 1743–1751 гг. создал девять парафрастических од, или переложений псалмов (1, 14, 26, 34, 70, 103, 116, 143, 145) в одической форме (позднее эти оды получили название «духовные»). Парафрастические оды Ломоносов писал короткой строфой четырехстопного ямба, «Преложение 14 псалма» – хореем. Их простой кованный стиль заметно отличается от стиля торжественных од. Их высоко ценил В.Н. Татищев, поощрявший Ломоносова продолжить переложение Псалтыри. Однако, как сообщает ему Ломоносов в письме от 27 января 1749 г., продолжить работу ему мешает: «опасение ... дать в преложении другой разум, нежели какой псаломские стихи в переводе имеют». Точность перевода Псалмов вступала в противоречие с их неточными славянскими текстами, на что Ломоносов обратил внимание первым. Пушкин называл парафрастические оды Ломоносова «вечными памятниками русской словесности» и опирался на них в своей духовной лирике. В 1757 г. Ломоносов еще раз обратился к переложению Библии в «Оде, выбранной из “Иова”», представляющей собой распространенный в немецкой поэзии жанр теодицеи, или доказательства бытия Божьего.

На основании этой оды, а также постоянно высказываемой Ломоносовым мысли о господстве «промысла Вышнего во всем» можно не сомневаться в его общей религиозности. Однако занятия наукой и общий рационалистический склад его мировоззрения рано поставили перед ним вопрос о возможности примирения научного миропонимания с верой.

Впервые сомнение в достаточности рационально-научного объяснения природы вещей прозвучало в натурфилософской (или, по терминологии Ломоносова, «духовной») оде «Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния» (1743). В 1761 г. он находит необходимым приложить к статье «Явление Венеры на Солнце» «Прибавление», в котором доказывает совместимость гелиоцентрического учения с верой. Стихи, включенные в «Прибавление», – «Я долго размышлял и долго был в сомненье...» (переложение строк сатиры Клавдиана «Против Руфина»), «Ода, выбранная из Иова» и натурфилософская ода «Утреннее размышление о Божием Величестве» (ок. 1747) – раскрывают представление Ломоносова о Боге как прежде всего Создателе мира и человека, что позволяло в атеистическую эпоху видеть в нем деиста.

Религиозность Ломоносова не исключала его конфликтов с церковью. В марте 1757 г. Синод подал императрице доклад о «пашквильных стихах» «Гимн бороде», в котором сообщалось, что во время «свидания и разговора» с синодальными членами Ломоносов, «сверх всякого чаяния, сам себя тому пашквильному сочинению автором оказал» и «начал оный пашквиль шпынски защищать». Сатира, восходящая к традиции новолатинских антиклерикальных стихов, в контексте русской культуры воспринималась как особенное кощунство. По преданию, ее адресатом был архиепископ Сильвестр Кулябка. Поводом для сатиры послужило ужесточение духовной цензуры.

К натурфилософским одам примыкает «Письмо о пользе стекла» (1753), затрагивающее проблемы мироздания и человеческой истории и решающее их в гуманистическом духе. Это первый и редкий в России образец ученой дидактической поэмы, широко распространенной в Европе с конца XVI века. Осенью 1750 г. императрицей Елизаветой Петровной было дано «изустное повеление» сочинить академическим поэтам Ломоносову и Тредиаковскому «по трагедии», которые должны были расширить

русский репертуар придворного кадетского театра (до этого из русских авторов ставились трагедии и комедии одного Сумарокова). Однако Ломоносов, узнавший о повелении императрицы заранее, уже в мае приступил к работе над трагедией «Тамира и Селим», которая была закончена им в октябре (1-е изд. – ноябрь 1750 г.; 2-е изд. – февраль 1751 г.; представлена 1 декабря 1750 г. и 9 января 1751 г.). Тематически трагедия восходит к рассказу из «Синопсиса» о бегстве Мамай после поражения в Куликовской битве в Кафу и о его гибели. «Тамира и Селим» обнаруживает следы влияния трагедии Готшеда «Катон» и трагедий Сумарокова «Хорев» и «Гамлет». В монологах Надира звучат политические наставления об ужасах тирании и войны. После успеха первой трагедии, особенно заметного на фоне неудачи Тредиаковского, трагедия которого «Деидамия» была запрещена, Ломоносов принялся за новую трагедию «Демофонт» (закончена осенью 1751 г.), созданную на сюжет мифа о Филлиде и Демофонте из «Метаморфоз» Овидия. В разработке коллизий «Демофонта» заметно влияние трагедии Расина «Андромаха» и трагедии Сенеки «Троянки». Однако «Демофонта» на сцене не ставили, а сама трагическая муза Ломоносова не получила признания.

Позднейшие критики видели недостатки трагедий Ломоносова в несоблюдении единства действия и в недостатке цельности в характерах, что составляло трудность для исполнения. При этом высоко ценилось поэтическое достоинство отдельных фрагментов трагедий, вошедших в антологию русского театра «Драматический словарь» (1787).

С 1747 г. в обязанности Ломоносова входил перевод с немецкого языка надписей из проектов и описаний придворных иллюминаций Штелина. Проекты и описания иллюминаций и фейерверков были ведущими жанрами панегирической литературы того времени, помимо прозаического описания намеченного (проект) или уже как будто происходящего (описание) театрализованного иллюминационного действия, они включали в себя небольшие стихотворения, или надписи. В 1752 г. Ломоносов добился разрешения самостоятельно готовить проекты фейерверков и иллюминаций, а не служить переводчиком часто слабых стихотворений Штелина. Особенностью проектов и описаний иллюминаций и фейерверков Ломоносова стало заметно выросшее в своем объеме иллюминационное стихотворение, превысившее пределы надписи и

занявшее центральное место его описаний. В 1755 г. обилие трудов заставило Ломоносова отказаться от составления проектов и описаний. Надписи (всего их более 30), главным образом иллюминационные, но также пять надписей к памятнику Петру I, и надписи, посвященные разным событиям жизни Петербурга, составляют важную часть поэтического наследия Ломоносова. Написанные александрийским стихом, они являют собой образцы не громкого (как в одах), но плавного и одновременно упругого стиха.

Их отличает остроумие, лаконизм, сложное, но выверенное грамматическое построение. Одновременно со стихотворениями в панегирических жанрах Ломоносов на протяжении всей своей жизни создавал и лирические (в современном смысле этого понятия) стихотворения. Уже «Письмо о правилах российского стихотворства» содержало отрывки песен и пронзительные строки из любовного стихотворения («Свет мой, знаю, что пылает, Мне моя не служит доля...»). Однако в дальнейшем стихотворения такого рода Ломоносов не публиковал и не распространял. Свои сердечные чувства он в какой-то мере отразил в анакреонтических одах, ранние из которых («Ночную темноту...» и отрывки из недошедших стихотворений) были включены им в «Краткое руководство к красноречию...». По-видимому, большая часть анакреонтических стихотворений Ломоносова до нас не дошла. Сохранилось два поздних произведения «Кузнечик дорогой...» (1761; вольное переложение анакреонтического стихотворения «К цикаде») и «Разговор с Анакреонтом» (1758–1761). Последний представляет собой своеобразный диалог: ломоносовские переводы од Анакреонта (I, XXII, XI, XXVIII) перемежаются «Ответами Ломоносова», написанными в той же поэтической тональности, что и греческие оды, но прямо противоположными им по своему содержанию. В «Разговоре с Анакреонтом» впервые в русской поэзии поставлен вопрос о назначении поэта и поэзии. Свободному поэтическому творчеству, темы которого любовь и прелесть жизни, утверждаемому анакреонтикой, в «Ответах Ломоносова» противопоставляется поэзия долженствования, призванная воспевать героев и славу России.

Утверждение как высшего назначения поэта его патриотического служения через отрицание так называемой «чистой» поэзии, прозвучавшее в «Разговоре с Анакреонтом», определили силовое поле русской поэзии. Начатый Ломоносовым разговор о назначении поэта

был продолжен Г.Р. Державиным, А.С. Пушкиным, Н.А. Некрасовым, В.В. Маяковским, А.А. Ахматовой.

Теория словесного искусства Ломоносова была с успехом применена им на практике, при создании «слов». 26 ноября 1749 г. Ломоносов произнес свое первое «слово похвальное» императрице Елизавете Петровне, снискавшее «рукоплескание двора» (автоперевод на латинский язык: «Panegyricus Elisabetae Augustae», 1749). Л. Эйлер в письме от 19 декабря 1749 г. назвал его «un chef d'oeuvre dans son genre» («шедевром в своем жанре»).

26 апреля 1755 г. Ломоносовым было произнесено похвальное слово Петру Великому, которое он задумывал еще в 1740-е гг. и готовил в продолжение 1753–1754 гг. (1-я редакция была частично переведена на фр. язык Ф.-Г. Штрубе де Пирмонтом (до сентября 1757), в 1759 перевод был окончательно завершён Т. Чуди). Петровская тема с самого начала деятельности Ломоносова, сознательно проецируемой им на петровский идеал, была центральной в его творчестве. Разбросанные по разным текстам Ломоносова отзывы о Петре, ссылки на него, обращения к нему, видимо, отражают постоянное присутствие в его сознании этого идеала, которым все меряется и поверяется и которым Ломоносов не устает восхищаться.

Петр Великий как понятие, включающее в себя и его личность и его деяния, по своему совершенству и непостижимости был для Ломоносова сопоставим с мирозданием, являясь, как и последнее, источником чистого вдохновения: «Часто размышлял я, каков Тот, который всеильным мановением управляет небо, землю и море: дхнет дух его – и потекут воды, прикоснется горам – и воздымятся. Но мыслям человеческим предел предписан! Божества постигнуть не могут! Обыкновенно представляют Его в человеческом виде. Итак, ежели человека, Богу подобного, по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великого не обретаю». Сбивчивость этого места, оправдательные интонации при уподоблении Петра Создателю передают высочайшую степень восхищения и изумления, сближая его с одой. Свои слова Ломоносов создавал не только по правилам разработанной им риторики, но и, как оды, в состоянии восторга. В определенном смысле слова Ломоносова представляют собой оды, написанные прозой. Вместе с тем сам Ломоносов и его современники рассматривали «Слово похвальное Петру Великому» как исторический труд. В качестве материала по истории Петра I оно было

послано Вольтеру, готовившему свою историю царствования Петра Великого. Однако Вольтер не придал сочинению Ломоносова никакого значения. Напротив того, Готшед, считая слово Петру I образцом ораторского жанра, опубликовал его немецкий перевод в своем журнале «Новости изящной учености» («Das Neuste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit», 1761), отметив: «Наши читатели могут судить о том, какой мужественной силой и каким хорошим вкусом обладает этот русский вития».

Блестящее воплощение петровской темы в «Слове похвальном Петру Великому» побудило Шувалова заказать Ломоносову в 1756 г. эпическую поэму о Петре I. Русская поэзия, ставшая к тому времени классицистической, ощущала острую необходимость в создании эпопеи, высокого и важнейшего в классицизме жанра поэзии. Еще в 1752 г. на эту необходимость указывал Тредиаковский, считая, что героем русской эпической поэмы должен стать Петр I. Ломоносов приступил к работе, по-видимому, сразу и уже 23 ноября 1757 г. писал Шувалову, что ее «окончание» почитает «выше всех благополучий своей жизни». По-видимому, работа над поэмой тяготила Ломоносова с самого начала. Уже во вступлении он жалуется на трудность поставленной перед ним задачи, называя эпическое прославление Петра: «Трудом желаемым, но непреодолимым». По свидетельству Штелина, он «положил себе за правило ковать ежедневно по тридцати стихов». Если он этому правилу и следовал, то лишь начиная с 1760 г., когда были написаны основная часть первой песни (поднесена Шувалову в день его рождения 1 ноября 1760 г.; в декабре того же года вышла отдельным изданием) и начало второй песни (на время ее создания указывают ее начальные стихи, прославляющие победы русской армии в Пруссии). Ориентируясь на образцы эпических поэм Гомера, Вергилия и на неупомянутую им, но использованную в качестве образца «Генриаду» Вольтера, Ломоносов, очевидно, не захотел (или не сумел) следовать главному закону эпопеи. В классической эпопее для изображения избирается одно центральное событие в истории, носящее решающий для последующей судьбы народа и государства характер.

Не избрав такого события (или предмета эпопеи), Ломоносов, очевидно, намеревался строить свою поэму как цепь отдельных несвязанных между собой рассказов о наиболее достославных событиях Петровского царствования. Во всяком случае, две

написанные песни построены именно таким образом. Недостаток вымысла, за который упрекали Ломоносова современники и ближайшие потомки и на котором настаивал Ломоносов во вступлении («Не вымышленных петъ намерен я богов, Но истинны дела...»), превратили поэму в стихотворное изложение истории: в первой песне – стрелецкого бунта 1682 г., во второй – осады Нотебурга. В изложении обоих событий Ломоносов за редчайшим исключением не отступает от имеющихся в его распоряжении источников. Это также явилось причиной неудачи Ломоносова, его эпопее недоставало главного условия эпопеи – вымысла. Причиной неудачи, по-видимому, стал и выбор героя недавней отечественной истории. По словам Шувалова, Ломоносов не мог закончить поэму, потому что «время для фантазий было очень близко», т.е. мешало отсутствие исторической дистанции. Штелин отмечал, что поэма Ломоносова «заслужила одобрение знатоков и удивление многих россиян». Однако в конце XVIII века, после появления «Россиады» М.М. Хераскова (1777), поэма Ломоносова отступила в тень. А.Н. Радищев и Н.М. Карамзин уже не считали ее образцовой и упрекали ее автора в подражании Вергилию и Вольтеру.

Позиция Ломоносова в современной ему только еще становящейся литературной жизни была исключительной. В отличие от своих современников он не проявлял никакого желания в ней участвовать. К современным ему периодическим изданиям (журналам Хераскова, журналу «Трудолюбивая пчела» Сумарокова) Ломоносов относился с равнодушием и даже враждебностью.

Первый русский журнал «Ежемесячные сочинения» должны были, с его точки зрения, носить научно-популярный или экономико-статистический характер, а не литературный. Он сторонился литературной полемики. Отзывы, данные им по поручению Академической канцелярии на произведения Сумарокова («Гамлет» и «Эпистолы о языке и стихотворстве»), имели разрешительный характер, от отзыва на перевод Тредиаковским «Аргениды» Баркляя он уклонялся (февраль 1750). К критике в свой адрес Ломоносов относился почти равнодушно: «... все против меня намерения и движения пропустил бы я беспристрастным молчанием без огорчения» – писал он И.И. Шувалову 16 октября 1753 г. Эта позиция объясняется его идеальным (классическим) взглядом на поэзию, который предполагал незыблемый идеал, основанный на поэтическом

опыте древних и подчиненный единым и непреложным законам. Никакая критика при таком взгляде значения не имеет: «Бедняжка, ты летай, ты пой: мне нет вреда» («Отмщать завистнику меня вооружают...»).

Отсутствие связей с современными литераторами, за исключением любимого ученика Поповского, привело к изоляции Ломоносова в литературной жизни, усиливавшейся по мере развития новой литературы. В самом конце 1740-х гг. Ломоносов разошелся с Тредиаковским и Сумароковым. В 1747 г. Сумароков в «Эпистоле о русском языке» апологетически писал о Ломоносове: «Он наших стран Малгерб, он Пиндару подобен», но вскоре в статье «Критика на оду» (разбор оды «Царей и царств земных отрада...», 1747), находя некоторые из строк оды «изрядными», показывает нелепость отдельных выражений с точки зрения логической семантики.

Позднее в статье «О стопосложении» (1770-е гг.) он признавал, что в поэтическом наследии Ломоносова только оды наполнены «духом стихотворческим, красотой», одновременно подчеркивая, что и они изобилуют «отвратительными пороками и грамматики, и стопосложения, и худшего с лучшим сопряженного вкуса». Затемненность смысла, сочетание высокой лексики с низкой, излишний гиперболизм («надутость») становятся мишенью «Вздорных од» Сумарокова (1759), предназначавшихся для печати. Лишь «Дифирамб» появился в журнале Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759. №10), публикацию остальных пародий Ломоносов успел предотвратить. В «Трудолюбивой пчеле» была помещена статья Тредиаковского «О мозаике» (1759. №9). Ломоносов, сильно задетый ею, жаловался на Тредиаковского в письмах к Шувалову и Воронцову и написал эпиграмму «Злобное примирение». На закрытие журнала он откликнулся «Эпитафией», на которую Тредиаковский ответил стихами «Бесстыдный родомонт, иль буйвол, слон, иль кит...».

В 1750 г. Тредиаковский в рукописном «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении...», направленном против Сумарокова, заявил о своем приоритете в создании силлаботоники, отводя Ломоносову лишь роль изобретателя ямба. Это же было повторено им в «Предуведомлении» к «Аргениде», но Ломоносов настоял на изъятии указанного пассажа. Возможно, к этому времени относится эпиграмма Ломоносова «На сочетание стихов российских», оспаривающая первенство Тредиаковского.

Осенью 1753 г. Ломоносов выступил с критикой языковых взглядов Тредиаковского в стихотворении «Искусные певцы...» (восходит к §119 «Грамматики»). Считая его автором Сумарокова, Тредиаковский адресовал ему ответ «Не знаю, кто певцов в стих кинул сумасбродный...». Более основательно возразить своим противникам Ломоносов намечал в статье «О нынешнем состоянии словесных наук в России» (вторая пол. 1756), которая не была закончена.

Критические выпады Сумарокова против Ломоносова были поддержаны молодыми поэтами сумароковского круга, что привело к рукописной полемике 1753 г. с грубыми нападками на личность Ломоносова. Участие Ломоносова в полемике ограничилось рукописным письмом-памфлетом, адресованным И.П. Елагину и эпистолой «Златой младых людей и беспечальный век...», написанными по настоянию Шувалова. По поводу вынужденного своего участия в этой стихотворной перепалке Ломоносов написал эпиграмму «Отмщать завистнику меня вооружают...». Разбору литературных мнений «ненавистников» посвящено письмо Ломоносова к Шувалову от 16 октября 1753 г. В нем дана оценка средних жанров, культивируемых сумароковской школой, как жанров незначительных. Из письма видно, что Ломоносов был сильно задет упреками в «надутости изображения»; в оправдание гиперболичности стиля он приводит примеры из древних.

С конца 1750-х гг. отношения Ломоносова и Сумарокова перерастают в стойкую неприязнь. Служебные успехи Ломоносова вызывают басню Сумарокова «Осел во Львовой коже» (Праздное время. 1760. Февр.), где он поминает его «низкую породу».

На это Ломоносов отвечал «переворотом» «Свинья в лисьей коже» (впервые: Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика... СПб., 1769), насмехаясь над внешностью и манерами Сумарокова. В 1761 г., когда Сумароков хлопочет о вступлении в члены Академии наук, Ломоносов осмеивает в письме к Шувалову (от 19 января) его необразованность. Широкую огласку получил скандал вокруг речи аббата Э. Лефевра «Discours sur le progrès des beaux arts en Russie» (произнесена в салоне А.С. Строганова 16 апреля 1760 г.), в которой Ломоносов и Сумароков были одинаково названы «deux génies-createurs» («двумя гениями-творцами»). Ломоносов разбил набор и уничтожил гранки находившейся уже в производстве речи. В ответ на речь аббата О.-А. Фора А.П. Шувалов поместил «Lettre d'un jeune

seigneur russe à M. de***» («L'Année littéraire» аббата Фрерона, 1760), назвав Ломоносова «отцом нашей поэзии». Попытка И.И. Шувалова примирить Ломоносова с Сумароковым в январе 1761 г. не удалась. Спор о том, был ли Ломоносов единственным основоположником новой русской поэзии, продолжился и после смерти Ломоносова. Из русского перевода латинской надгробной надписи Штелина, сделанного И.К. Голеневским, вероятно по воле академического начальства, были изъяты строки: «Стихосложения российского установителю, трагедий на родном языке сочинителю» (это место надписи оспаривал Сумароков в статье «Некоторые строфы двух авторов», 1773).

В 1760-е гг., несмотря на оды Екатерине II и стихи Г.Г. Орлову, Ломоносов уже воспринимался как поэт прошлого царствования, «стихотворец веку <...> блаженныя памяти Елисаветы Петровны» (Порошин С.А. Записки. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1881, запись от 17 декабря 1764 г.).

Для популяризации литературных идей и поэзии Ломоносова главное значение имели его прижизненные собрания сочинений. «Собрание разных сочинений» (кн. 1 – июль 1751; кн. 2 вышла посмертно в 1768 г.) явилось итогом десятилетней литературной работы и одновременно первым собранием сочинений одного автора в России. Тексты, вошедшие в «Собрание» (10 духовных и 10 торжественных од, 19 надписей и «Слово похвальное <...> императрице Елизавете Петровне...»), при перепечатке подвергались авторской правке, учитывавшей отчасти критические замечания Сумарокова.

В 1757 г. Шувалов распорядился об издании всех литературных сочинений Ломоносова в новооткрытой типографии Московского университета. За изданием «Собрания разных сочинений в стихах и прозе» наблюдал Херасков (т. 1 вышел летом 1758 г. (на тит.: 1757), с портретом Ломоносова работы Э. Фессара и Х.А. Вортмана и со стихотворной надписью Поповского; т. 2 – в 1759 г.). Помимо собраний сочинений широко издавались отдельные сочинения Ломоносова, их тираж намного превосходил издания других авторов.

В конце XVIII века поэты разных направлений оказались единодушны в оценке деятельности и творчества Ломоносова (Херасков, В.П.Петров, В. И. Майков и др.). Культ Ломоносова от Хераскова унаследовал М.Н. Муравьев, а от Муравьева – К.Н. Батюшков.

Восхищение творчеством Ломоносова и его судьбой характеризует русскую мысль вплоть до Пушкина и Вяземского.

Диссонансом в стройном хоре похвал звучит радищевский упрек Ломоносову в лести и предпочтении ему Сумарокова. При этом Радищев признает за Ломоносовым роль «первого», «вождя» и восхищается его одами («Слово о Ломоносове»). На разборах произведений Ломоносова воспитывалась ранняя русская критика (А.Ф. Мерзляков, П.Ф. Калайдович, М.А. Дмитриев и др.). А на подготовке его собраний сочинений – русская филология.

В 1778 г. Дамаскин Семенов-Руднев издал «Собрание разных сочинений в стихах и прозе» (т. 1–3), впервые включавшее наряду с художественными научные тексты Ломоносова, а также впервые в русской издательской практике предлагавшее текстовые варианты в примечаниях. В 1784 г. Российская Академия осуществила «Полное собрание сочинений» Ломоносова в 6-ти томах, ориентированное на издание 1778 г. Сюда вошли все известные к этому времени тексты Ломоносова, корпус которых пополнился благодаря материалам из архивов Г.Г. Орлова и И.И. Шувалова. В этом издании была осуществлена публикация писем Ломоносова, первых частных писем, получивших в русской культуре значение литературного памятника. Биографическая статья М.И. Веревкина, сопровождающая издание, написана на основании записок Я.Я. Штелина, архивных материалов Заиконоспасского монастыря и сведений, полученных от лиц, знавших Ломоносова. В 1891 г. М.И. Сухомлиновым было предпринято научное издание Ломоносова (т. 1–5, включающие литературные произведения и филологические труды, подготовлены Сухомлиновым; т. 8, содержащий письма, – Л.Б. Модзалевским). Академическое издание под ред. Г.П. Блока и др. вышло в 1950–1959 гг., 1983 г. (литературные и филологические сочинения – т. 7, 8).

В русском общественном сознании Ломоносов долго оставался «Петром Великим русской литературы», как назвал его Батюшков, а затем В.Г. Белинский, имея в виду, что им были осуществлены коренные реформы русского языка и стиха.

РЕФОРМАТОР РУССКОГО ЯЗЫКА

Н.В. Карева

научный сотрудник ИЛИ РАН, к.филол.н.

Русский XVIII век – это эпоха радикальных перемен не только в политической и социальной сфере, но и в культурной жизни страны. В это время формируется литературный язык нового типа – единый, нормированный, обслуживающий все регистры письменной речи (1) и характеризующийся богатством стилистических средств. Становление нового литературного языка происходило в непосредственной связи с утверждением новых гражданских и религиозных ценностей. Поэтому динамика языковых процессов в XVIII веке в значительной мере отразила культурные и политические изменения в русском обществе того времени.

Наиболее решительные изменения в языковой сфере произошли в Петровскую эпоху. Следствием сознательной государственной политики явилось постепенное вытеснение традиционных книжных регистров и утверждение нового литературного языка как части новой светской культуры. Проходившая под непосредственным наблюдением Петра реформа азбуки, распоряжения царя об употреблении в светских книгах «общего» языка были прямо направлены против языковой традиции предшествующего периода, когда церковнославянский выступал в качестве универсального языка культуры. Языком нового, порвавшего с традиционными ценностями светского государства должен был стать «простой» язык. Определялся он не в своей самостоятельной норме, а скорее через противопоставление церковнославянскому, который отождествлялся со старой культурой и старым государственным порядком. У пишущих при этом не было конкретного представления о том, каким должен быть книжный текст на новом языке. Каждый самостоятельно решал, какие элементы предшествующей традиции следует исключить, а какие оставить. Из-за этого язык петровской эпохи характеризовало хаотическое смешение разнородных черт. Варианты слов и форм сосуществовали в литературном языке, при этом отсутствовали четкие принципы их стилистического распределения.

Только в 1730 годы начался отбор и классификация языковых средств, поиски единой нормы литературного языка. Работа по регламентации русского языка – орфографические преобразования, устранение семантической и морфологической вариативности – сосредоточилась, в основном, в Академии наук, и прежде всего в Академической гимназии и Академической типографии.

Новый русский язык вошел в обиход академического преподавания – и появились грамматики русского языка, написанные, однако, по большей части на немецком: «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» В.Е. Адодурова (1730), «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» И.В. Пауца (1705–1729), «Compendium grammaticae russicae» М. Шванвица (1731) и другие. В типографии начали публиковаться книги на новом, «гражданском наречии» – и, соответственно, активно стали обсуждаться вопросы орфографической нормализации. В 1735 году по распоряжению президента Академии наук барона И.А. Корфа (1697–1766) было создано Российское собрание – первое научное объединение филологов, которые должны были на заседаниях обсуждать и исправлять переводы, а также трудиться над сложением русской грамматики, риторики, словарей и руководства по стихосложению.

В Академии наук в это время работали виднейшие лингвисты – В.Е. Адодуров (1709–1780), В.К. Тредиаковский (1703–1768), И.С. Горлицкий (1690–1777), М. Шванвиц (ум. 1740), И.И. Тауберт (1717–1771). В 1730-е годы совершенство литературного языка связывалось в их сознании с ориентацией на разговорное употребление, на язык «каковым мы меж собою говорим» (2). Оппозиция церковнославянского и нового литературного языков уподоблялась при этом оппозиции латыни и французского. И подобно тому, как из французского литературного языка XVII века изгонялись латинизмы, академические филологи считали нужным исключить из русского литературного языка церковнославянские лексемы.

Задача эта оказалась непростой, так как основная масса слов была общей для двух языков. Попытки размежевания церковнославянской и русской лексики проводились в трудах В.Н. Татищева (1686–1750), снабдившего слова в своих лексиконах пометами «р.» (русское) и «сл.» (славенское), однако последовательно противопоставить генетические славянизмы и русизмы ему не удалось. Аналогичная установка – противопоставить славянские и русские элементы –

действовала в 1730-е годы в морфологии. В составленных иностранцами описаниях русского языка приводились списки формальных отличий церковнославянского от русского. В качестве таковых обычно рассматриваются формы претерита, различия в именном словоизменении (напр. –го/–во в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода), лексико-морфонологические характеристики (напр. полногласие) и ряд собственно лексических оппозиций.

Теоретическая задача по устранению славянских форм и лексем из русского языка наталкивалась, однако, на сопротивление устоявшегося языкового сознания. Нерегламентированное соединение русских и славянских вариантов оставалось характерной чертой текстов, написанных на новом литературном языке. К тому же, лексические и морфологические славянизмы допускались в поэзии. Например, церковнославянские элементы широко использовались в одах, сохранявших связь с традицией проповеди. Так называемым «поэтическим вольностям» (допустимым в поэзии отступлениям от норм литературного языка) были посвящены пространные разделы в сочинениях по стихосложению.

Теоретические декларации, предписывавшие ориентацию на разговорное употребление, оказывались, таким образом, оторванными от реальной языковой практики, и с 1740-х годов филологическая мысль начала поиски новой теории, которая могла бы это противоречие разрешить.

Надобно заметить, что к этому времени культурно-историческая ситуация в России изменилась. Радикальные петровские преобразования принесли свои плоды. В Елизаветинскую эпоху появилось поколение людей, с детства привычных к светской культуре, воспринимающих себя как «русских европейцев». Накопился определенный объем текстов на новом литературном языке, – литературных, научных, философских, бытовых. И актуальным стал вопрос не о равноправии русского литературного языка с церковнославянским, а о его равноправии с языками Европы. Способен ли новый язык выразить все разнообразие понятий и явлений европейской культуры? Именно на этот вопрос пытались дать ответ В.К. Тредиаковский в «Слове о витийстве» (1745), А.П. Сумароков в «Эпистоле о русском языке» (1747) и М.В. Ломоносов в

«Риторике» (1748) и «Российской грамматике» (1757). В предисловии к «Риторике» 1748 года М.В. Ломоносов утверждает:

«Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сомнения, чтобы российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся»(АПСС: VII, 91 сноска) (3).

По мысли М.В. Ломоносова, «приведенный в совершенство» русский язык по праву может занять достойное место в кругу европейских языков. Однако было очевидно, что пока гражданский язык в России противопоставлен языку церковному, русский язык не может конкурировать с полифункциональными европейскими языками. Филологам предстояло найти пути объединения церковнославянского и русского, нового и старого книжного языков.

На рубеже 1750-х годов синтез противопоставленных прежде языковых стихий был намечен. В трудах академических лингвистов все чаще начинает звучать мысль о единстве природы русского и церковнославянского языков, различия между которыми сводятся к ограниченному набору грамматических и лексических характеристик. Это идея выражена в статье В.К. Третьяковского «О правописании имен прилагательных» (1746), в статьях М.В. Ломоносова «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758) и «О нынешнем состоянии словесных наук в России» (1756). Настаивает М.В. Ломоносов на единстве природы русского и церковнославянского и в «Российской грамматике» (1755) – фундаментальном сочинении, знаменовавшем собой завершающий этап полувековых поисков нормы русского литературного языка.

«Российская грамматика» была написана М.В. Ломоносовым в 1754–1755 гг. и должна была составить единое целое с написанной несколькими годами раньше «Риторикой». Риторика призвана была научить, как правильно строить речь, тогда как грамматика должна была объяснить устройство языка. 20 сентября 1755 г. рукопись «Российской грамматики» была поднесена великому князю Павлу, а в январе 1757 г. вышло первое издание тиражом 1200 экземпляров.

Выход в свет «Российской грамматики» стал знаковым событием для развития отечественной филологии: это было первое печатное и

написанное по-русски научное описание русского литературного языка. Сам М.В. Ломоносов в черновиках к «Российской грамматике» писал:

«Сию грамматику не выдаю за полную, но только опытъ, ибо еще никакой нетъ, кроме славенской и малинькой в лексиконе и во многихъ местахъ не<справедливой>исправной» (АПСС: VII, 691).

Речь шла о «Грамматике славенской» М. Смотрицкого (1619) и о «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» В.Е. Адодурова (1731). Другие, более ранние грамматические описания русского языка не были упомянуты М.В. Ломоносовым. Скорее всего, однако, ему были известны «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» И.В. Пауса и с «Compendium grammaticae russicae» М. Шванвица. М.В. Ломоносов был также хорошо знаком с европейской лингвистической традицией. На него оказали влияние работы И.-К. Готтшеда (1700–1766) и знаменитая грамматика Пор-Рояля (А. Arnauld, С. Lancelot «Grammaire générale et raisonnée», 1660).

В «Российской грамматике» нашли отражения идеи универсальной грамматики. Всеобщие закономерности человеческого разума, по мысли М.В. Ломоносова, обнаруживают себя в различных языковых системах, различающихся лишь формами, словами и звуками. Настаивая на общности природы русского и европейских языков, М.В. Ломоносов подчеркивал, тем не менее, богатство русского языка, заключающего в себе совокупные достоинства европейских и древних языков:

«Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. <...> Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским язы́ком с богом, французским – с друзьями, немецким – с неприятельми, италиянским – с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому язы́ку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского язы́ка» (АПСС: VII, 391).

Стремление показать, что в богатстве средств выражения русский язык не уступает европейским и классическим языкам, проявилось в «Российской грамматике» не только на уровне деклараций. Вводимые М.В. Ломоносовым грамматические категории и используемые им термины отражают его ориентацию на европейские и античные образцы. Например, для описания видовременных форм русского глагола, М.В. Ломоносов разработал сложную систему из десяти времен. В зависимости от характера протекания действия, М.В. Ломоносов выделял несколько видов прошедшего времени (неопределенное, однократное, совершенное, а также три вида давнопрошедших времен) и несколько видов будущего времени (неопределенное, однократное, совершенное).

Выделяя столь большое количество времен, М.В. Ломоносов ориентировался, видимо, на систему времен в церковнославянском языке, а также на систему времен в греческом, французском и немецком языках.

Черновые материалы к «Российской грамматике» также доказывают несомненную ориентацию М.В. Ломоносова на европейские (в первую очередь, немецкие) и античные грамматики. Так, М.В. Ломоносов нередко сначала переводит русские примеры на немецкий и предлагает латинские термины для их описания и лишь затем находит адекватный русский термин.

«Российская грамматика» разделена на шесть «наставлений». Первое, «О человеческом слове вообще», посвящено общим грамматическим вопросам и характеристике русской грамматики. М.В. Ломоносовым анализируются понятия «языка», «звука», предлагается классификация гласных и согласных, а также классификация знаменательных «частей слова» (т.е. частей речи). Во втором наставлении «О чтении и правописании российском» рассматриваются общие вопросы графики, орфографии и орфоэпии, исследуются принципы соотношенности звуков и букв, причем морфологический принцип провозглашается ведущим принципом русской орфографии. Третье наставление «О имени» посвящено морфологическим, семантическим и словообразовательным свойствам существительных, прилагательных и числительных. Согласно традиции греческих грамматик, они трактуются как одна «знаменательная часть слова». Четвертое наставление «О глаголе» полностью посвящено глагольным категориям, формам и их

семантике. Пятое наставление «О вспомогательных или служебных частях слова» содержит подробные сведения о местоимениях, наречиях, причастиях и предлогах (к ним М.В. Ломоносов относит и приставки). Наконец, в шестом «О сочинении частей слова» рассматриваются вопросы синтаксической и смысловой сочетаемости частей речи.

Что же касается соотношения русского и церковнославянского языков, то М.В. Ломоносов рассматривает грамматическую структуру нового литературного языка как синтез церковнославянской и русской грамматики. Русские и церковнославянские формы свободно совмещаются в литературном языке, причем на употребление последних не накладывается никаких ограничений. Выбор той или иной формы зависит от регистра речи и от генетической характеристики слова. М.В. Ломоносов выделяет в литературном языке два «штиля» – «высокий» («важный») и «простой». Формы высокого стиля должны образовываться от слов церковнославянского происхождения, а формы простого стиля – от слов русского происхождения. Таким образом, чтобы правильно употребить то или иное слово, пишущий должен учесть его генетическую характеристику, т.е. соотнести его с русским или церковнославянским языковым массивом. Так, например, об окончаниях страдательных причастий М.В. Ломоносов пишет следующее:

«Прошедшие неопределенные страдательные причастия весьма употребительны как от новых российских, так и от славенских глаголов произведенные: питанный, вѣнчанный, писанный, видѣнный, качаной, мараной. Разницу один от другого ту имеют, что от славенских происшедшие лучше на ый, нежели на ой, простые российские приличнее на ой, нежели на ый, кончатся. Первые склоняются, как настоящие, другие в родительном единственном мужеском и среднем приличнее ого, нежели аго, принимают» (АПСС: VII, 548).

Тем же принципом руководствуется М.В. Ломоносов, рассуждая о произносительной норме русского литературного языка. Согласно М.В. Ломоносову, произношение слова определяется его происхождением. Происхождение высокого стиля соответствует церковному произношению, уместному лишь в словах церковнославянского происхождения, а произношение простого стиля соответствует разговорному, уместному лишь в словах

русского происхождения. Эти рекомендации касаются, в частности, произношения буквы «г», которой в словах церковнославянского происхождения соответствует фрикативный согласный звук [ɣ] (аналогичный современному украинскому произношению), а в словах русского происхождения – взрывной [g] (аналогичный современному русскому).

«Российская грамматика», как мы видим, включила на равных в состав литературного языка и русские, и славянские элементы. В зависимости от стилистического задания, пишущий мог свободно использовать как русский, так и церковнославянский языковой материал. Эта новая лингвистическая установка создавала исключительное языковое изобилие, нуждавшееся в регламентации, упорядочивании. Классицистический канон требовал языковой однородности литературного произведения, тогда как избыток языковых средств мог с легкостью обернуться стилистической разрозненностью.

Именно к проблеме стилистической однородности текста М.В. Ломоносов обратился в программном трактате «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758), где были развиты идеи, выраженные ранее в «Российской грамматике». Если в «Российской грамматике» М.В. Ломоносов создавал последовательное научное описание литературного языка и акцентировал внимание, в основном, на фонетических, грамматических и синтаксических вопросах, то в «Предисловии» он сосредоточился исключительно на словарном материале. В лексическом массиве русского литературного языка М.В. Ломоносов выделил три «рода речений»:

«К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: бог, слава, рука, ныне, почитаю. Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: отверзаю, господень, насажденный, взываю. <...> К третьему роду относятся, которых нет в остатках славянского языка, то есть в церковных книгах, например: говорю, ручей, который, пока, лишь» (АПСС: VII, 588).

То есть на основании генетических характеристик М.В. Ломоносовым были выделены три разряда слов: 1) «славенороссийские», общие для церковнославянского и русского языков; 2) «славянские»,

отсутствующие в современном М.В. Ломоносову русском языке, но продолжающие употребляться в литературных текстах; и 3) «российские простонародные» слова. Еще два разряда слов не вошли в эту классификацию, так как были признаны недопустимыми в литературном языке.

Это были «неупотребительные и весьма обетшальные» церковнославянские слова (например, обаваю, рясны, овогда, свене) и «презренные слова, которых ни в каком стиле употребить недостойно, как только в подлых комедиях» (АПСС: VII, 588–589).

Далее классификация «речений» была соотнесена М.В. Ломоносовым с иерархией стилей. Причем здесь в концепции «Предисловия о пользе книг церковных» наметилось существенное отличие от концепции, изложенной в «Российской грамматике». Так, если в грамматике речь шла о двух стилях – высоком и простом, то в «Предисловии» М.В. Ломоносов выделил три штиля – высокий, низкий и средний. По мысли М.В. Ломоносова, в «высоком штиле», которым должны писаться героические поэмы, оды и «речи о важных материях», употребляются «славенские» и «славенороссийские» слова. В «низком штиле», которым пишутся комедии, эпиграммы, песни, дружеские письма в прозе, – «славенороссийские» и «российские» слова. Что же касается «среднего штиля», пригодного для театральных сочинений (всех, кроме комедий), стихотворных дружеских писем, сатир, эклог и элегий, то в нем могли быть употреблены все три разряда слов – «славенские», «славенороссийские» и «российские». М.В. Ломоносов специально отмечает, что «в сем штиле должно наблюдать всевозможную равенность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного» (АПСС: VII, 589).

Предложенная М.В. Ломоносовым программа решала вопрос о том, как использовать изобилие, образовавшееся от соединения в литературном языке церковнославянских и русских элементов.

Ломоносовская теория упорядочивала эти элементы в соответствии с представлениями европейского классицизма и, таким образом, возможность появления в одном тексте генетически разнородных слов ограничивалась. Не следует при этом полагать, что концепция М.В. Ломоносова была абсолютно новаторской. Восходящий к античности

комплекс представлений о стилистическом нормировании в соответствии с теорией трех стилей был хорошо известен русским филологам. Требования языкового единообразия встречались и ранее в лингвистических сочинениях В.К. Тредиаковского, А.Д. Кантемира. Тем не менее, М.В. Ломоносов первым соотнес генетическую классификацию с жанровой иерархией и, таким образом, дал пишущим конкретные, приложимые к реальному материалу указания о том, в какого рода текстах и в какой пропорции следует употреблять церковнославянские и русские слова. Предложенная М.В. Ломоносовым в «Предисловии о пользе книг церковных» концепция стилистического нормирования, разумеется, не уничтожила антагонизма церковнославянской и русской языковых стихий, но наметила возможный компромисс между ними. Впереди, однако, были споры «архаистов» и «новаторов», выступающих одни – за славянизацию русского литературного языка, другие – за его европеизацию. Только в пушкинскую эпоху был осуществлен синтез церковнославянских и русских элементов, и литературный язык, столь бурно и резко развивающийся в XVIII веке, стабилизировался.

Тем не менее, роль М.В. Ломоносова в нормализации и кодификации русского литературного языка не может быть недооценена. В трудах М.В. Ломоносова по филологии были выработаны категориальный и терминологический аппараты, позволившие дать одно из первых научных описаний языковой ситуации в России.

Что же касается «Российской грамматики», то ее влияние распространилось далеко за пределы XVIII века. Она выдержала около 14 переизданий, была еще при жизни М.В. Ломоносова и под его личным «смотрением» переведена на немецкий язык и долгое время служила источником, из которого черпали сведения позднейшие составители грамматических руководств как в России, так и за ее пределами. Сегодня работы М.В. Ломоносова по филологии, в некоторых аспектах не утратившие своей актуальности, являются ценнейшими источниками по изучению истории русского литературного языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Литературный язык предшествующего периода – церковнославянский – единым не был. Наряду с языком Священного Писания существовал «гибридный» вариант, реализовывавшийся, например, в летописях и воинских повестях, а также некнижный язык, имеющий свои собственные разновидности.

2. [Тальман П.] Езда в остров любви. Переведена с французского на русский через студента Василья Третьяковского. СПб., 1730, предисл., л. 60б.

3. Все цитаты из текстов М.В. Ломоносова приводятся по Академическому полному собранию сочинений М.В. Ломоносова в 11 томах (Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т.1–11. М.; Л., 1950–1959, 1983); номер тома и страница даются после цитаты в круглых скобках.

ЛИТЕРАТУРА

- Будилович А.С. Ломоносов как натуралист и филолог. СПб., 1869.
- Булич С.К. Очерки истории языкознания в России. СПб., 1904.
- Буслаев Ф.И. Ломоносов как грамматик // Празднование столетней годовщины Ломоносова 4 апреля 1765–1865 гг. Императорского Московского университета. М., 1865.
- Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М., 1938.
- Вомперский В.П. Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970.
- Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII вв. М., 2004.
- Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Живов В.М., Кайперт Г. «О месте грамматики И.-В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского» // Вопросы языкознания. Москва, 1996. Вып.6. С.3–30.
- Макеева В.Н. История создания «Российской грамматики» М.В. Ломоносова. М.; Л., 1961.
- Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1981.
- Николаев С.И. Литературная культура петровской эпохи. СПб., 1996.
- Успенский Б.А. Вокруг Третьяковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008.
- Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XVIII вв.). М., 1994.
- Ягич И.В. История славянской филологии. СПб, 1910.
- «Я знак бессмертия себе воздвигнул...». К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. Каталог выставки. СПб., 2009.
- Keipert H. «Der deutsche Beitrag zur Entwicklung der Russisch-Grammatik vor Lomonosov» // Slavistische Linguistik. Referate des XIII Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffen Tübingen. München, 1987. P.184 – 208.
- Unbegaun B.-O. Drei russische Grammatiken. München, 1969. Unbegaun B.-O. «Russian grammars before Lomonosov» // Oxford Slavonic Papers. Vol.VIII. 1958.

М.В. ЛОМОНОСОВ И РУКОПИСНАЯ КНИЖНОСТЬ РУССКОГО СЕВЕРА

В.П. Бударгин
заслуженный деятель культуры РФ,
зав. Древлехранилищем ИРЛИ РАН

Известная по сохранившимся источникам «начитанность» в детские и отроческие годы М.В. Ломоносова продолжает оставлять целый ряд вопросов относительно реально доступного ему тогда круга чтения. Грамотность его несомненна, а хорошо поставленный голос и внятная дикция обеспечили ему признание односельчан в качестве церковного чтеца. В то же время сам он обозначил для будущих поколений доминанту своего развития как «Грамматику» Смотрицкого, «Арифметику» Магницкого, упомянув, правда и «Псалтырь стихотворную» Симеона Полоцкого.

Впоследствии все эти книги оказались своего рода векторами в его многообразной научной и творческой биографии. Но это потом, когда все осмысливается с позиций явления состоявшегося, а что же в начале? Придется посмотреть на Север и его книжность в целом.

Когда мы говорим о старообрядческой книжности, то необходимо учитывать, что в это понятие должны включаться не только переписанные, созданные в XVII–XX вв., но и сохраненные рукописи прежних столетий. Авторитет их, особенно рукописей «харатейных», т.е. на пергамене, был очень велик, что нашло свое подтверждение, к примеру, в «Поморских ответах», где в статье 13-й ответа 8-го («О имени Иисусове») декларируется разделение книг на «печатные, письменные и харатейные». Из этого же разделения следует, однако, что нельзя не учитывать и книгу печатную, которая также была необходимой составляющей как круга чтения старообрядцев, так и весомым аргументом при ведении полемики с представителями реформированной церкви. И это не только книги, напечатанные до патриаршества Никона, но и те книги, которые были напечатаны старообрядческими типографиями на рубеже XVIII–XIX вв. (даже продукция типографий начала XX в. почти целое столетие продолжала кормить ревнителей старой веры и часто встречается по сей день в старообрядческих семьях). Авторитетность подобного рода книжной иерархии, запечатлевшаяся в «Поморских ответах», тем значимее, что сам этот памятник стал своего рода первым образцом научного

палеографического исследования начала 20-х гг. XVIII в., посвященного истории книги.

Кстати, внимание к тому, как переписано, каким почерком, на какой бумаге или какой выделке пергамене, сохранялось в старообрядческой среде и впоследствии. Примечательно в этом отношении «Ответное письмо в Кавкаскую линию, на Кубань, писано из обители Стародубской в лето 1815 ноября 24 дня». Третий из присланных с Кубани восьми вопросов звучал так: «В бумагах белых видимы суть различныя знаки, как то лвы, ледведи(sic!) и прочия в каронах, с бердышами и с тесаками – и что такое они значют?» Ответ же на него гласит: «В вельх(sic!) бумагах различно изображенныя знаки, как то лвы, медведи, корабли и прочия тамо, но ничто иное означают они, как толко гербы градов или фабриков тех, в них же бумага та делается. Сие и в древних многих видны суть таковыя изображения – и в сем сомнения нет ни малейшаго» (ИРЛИ. Древлехранилище. Колл. Власова, №1, л.205, 208об.).

Взаимоотношения между рукописной и печатной книгой складывались, однако, далеко не однозначно. Если сначала рукописи заведомо предшествовали печатному слову, представляя собой, в частности, графические образцы создаваемых шрифтов, то впоследствии зачастую уже рукописи воспроизводят напечатанные тексты, иногда сохраняя при этом даже выходные данные своих оригиналов, подражая графике шрифтов, орнаментике гравированных заставок и инициалов. Встречаются и рукописные миниатюры, восходящие ко вполне конкретным печатным изданиям. Причем это относится не только к «дониконовским» изданиям, позднейшая печатная старообрядческая книга в равной степени оказалась востребованной.

Однако, несмотря на то, что в состав выставочных экспозиций включаются, как правило, книги иллюстрированные («лицевые») и богато орнаментированные, у нас нет никаких оснований рассматривать старообрядческую рукописную книжность только с позиций изобразительного искусства. Основой её оставались всё-таки сами тексты, смысловое наполнение, не суть важно даже каким почерком переписанные и какими орнаментами украшенные вечные, завещанные дедами и прадедами христианские постулаты и истины. В этом отношении поражает даже не сама широта реально востребованного письменного наследия Древней Руси, где представлены по сути все жанры многовекового, запечатлевшегося в

слове, её существования, но живое, непосредственное восприятие переписываемых ли, читаемых ли текстов. Чаще, разумеется, мы имеем дело с читательскими пометами и приписками на полях рукописи. Сам писец, как правило, не запечатлевает своего отношения к воспроизводимому им тексту, разве что уничиженно оговаривает подчас себе читательское прощение за допущенные им погрешности и описки. Оно может быть обнаружено в другом, в некотором переосмыслении, редактировании уже существующего повествования. Что-то и вовсе не обязательно переписывалось с конкретно лежащих перед ним книг, а воспроизводилось по памяти с прежде где-то прочитанного. Иначе, как можно объяснить появление трех вариантов одного и того же произведения, переписанного, к примеру, на Печоре известным грамотеем и книгописцем И.С. Мяндиным (1823–1894)?

Подтверждением тому и существование нескольких редакций получившего теперь мировую известность автобиографического жизнеописания протопопа Аввакума. Несомненно, что он каждый раз воспроизводил свое Житие заново, из памяти, не пользуясь никакой усредненной письменной текстовой основой. Да и сложно предположить существование каких-то «черновики» у сидящего в земляной тюрьме за полярным кругом узника.

Что же все-таки представляет собой старообрядческая рукописная книжность в нашей отечественной культуре? Да, это своего рода исторический прецедент, когда в России, христианской стране, вполне соответствующей или старающейся соответствовать остальному христианскому миру в своем цивилизационном развитии, на протяжении трех веков продолжают воспроизводить «от руки» духовное наследие Древней Руси. Не от хорошей жизни, разумеется, поскольку официально старообрядцам не дозволено держать типографии. Да, старообрядцы существуют под постоянным, пристальным надзором синодальной и государственной власти. Но они существуют, они осознают себя хранителями истинной православной веры, завещанной дедами и прадедами. Они едины в своем отрицании «троеперстия», измененного написания имени Господня, четверения «аллилуйи», неприятия «латынского креста», т.е. так называемого «четвероконечного креста», и многих других, касающихся каждого христианина, вопросов.

Вскоре, однако, появляются первые споры, а потом возникают и раздоры внутри единого, казалось бы, когда-то движения не согласных

с «новизнами» церковного окормительства. Может ли истинная Церковь существовать без священства или в наступившие «антихристовы времена» и мирянам дозволено совершать насущные требы? Храму ли быть с алтарем и вратами церковными или «моленной» с иконостасом для исповедания истинной веры достаточно? Да возможны ли браки, да можно ли с «никонианами» есть и пить, по каким правилам с внешним миром общаться? Или вообще не общаться, скрываться от мира? Вопросов возникало всё больше, и всё более дробным становилось в попытке их разрешения само старообрядчество.

Таким образом, связь М.В. Ломоносова как с прежней рукописно-книжной традицией Севера, так и признание его своим и родным впоследствии, вряд ли может быть оспорена.

М.В. ЛОМОНОСОВ В ПАМЯТИ ПОТОМКОВ

Личность Михаила Васильевича Ломоносова, его судьба, деятельность и творчество уже при жизни вызывали интерес у современников. Этот интерес и внимание усилились после смерти Ломоносова.

Первыми к изучению биографии М.В. Ломоносова обратились академики И.И. Лепехин и Н.Я. Озерецковский: в 1768–1772 гг. в ходе путешествия по русскому Северу они изучали Двинскую землю и Холмогоры – родину Ломоносова, интересовались его родословной, детскими годами (1). В 1791 г. писатель, секунд-майор П.И. Челищев побывал на Курострове, записал воспоминания поморов о юности М.В. Ломоносова на его малой родине и поставил первый деревянный памятник учёному (2).

Начало изучению научного наследия М.В. Ломоносова положил в XVIII в. последователь его геологических идей академик В.М. Севергин (3). Тогда же началась посмертная публикация трудов Ломоносова. В 1778 г. архимандрит Дамаскин (Дмитрий Ефимович Семенов-Руднев) издал «Собрание разных сочинений в стихах и прозе» (Т.1-3), включавшее наряду с художественными научные тексты Ломоносова. Впервые в

русской издательской практике в собрании сочинений публиковались в примечаниях варианты текстов произведений (4). В 1784 г. «Полное собрание сочинений Ломоносова» в 6-ти томах осуществила Академия наук (5). Академия наук предприняла еще одно издание «Полного собрания сочинений Ломоносова» в восьми томах, начатое в 1891 г. М.И. Сухомлиновым. Оно было завершено только в 1948 г. Л.Б. Модзалевским (6). Обширные комментарии к этому изданию стали значительным вкладом в изучение биографии и творчества Ломоносова.

В XIX в. личность Ломоносова вызвала интерес и волну исследований в связи со столетием Московского университета, основателем которого был великий ученый. Изучение жизни и научной деятельности Ломоносова приняло широкий размах в рамках празднования столетия со дня его смерти в 1865 г. – в Москве, С. Петербурге, Архангельске, Нарве, Нижнем Новгороде, Казани, Иркутске, Полтаве, Риге и других городах. Помимо торжественных празднований и речей, публикации статей и стихов в его память было принято решение об учреждении Ломоносовской премии:

«Императорская Академия Наук исходатайствовала Всемилостивейшее соизволение на учреждение при ней ежегодной премии в 1000 рублей, под названием «Ломоносовской», для раздачи за важные изобретения и открытия, сделанные в России и обещающие особенно полезные применения в промышленности и технических производствах» (Записки Императорской Российской Академии Наук. Т.7, 1865, с.259-260).

Столетие памяти Ломоносова ознаменовалось появлением подробных исследований биографии ученого, выполненных академиками П.С. Билярским, А.А. Куником, П.П. Пекарским, В.И. Ламанским (7). Их усилиями изучение наследия Ломоносова стало превращаться в самостоятельную научную дисциплину – ломоносоведение.

Естественно-научное творчество Ломоносова в полном объеме впервые было представлено Б.Н. Меншуткиным в книге «Ломоносов как физико-химик» (8). Для понимания деятельности М.В. Ломоносова и должной ее оценки много сделал академик В.И. Вернадский, чье имя в ряду русских естествоиспытателей по праву соседствует с именем первого русского учёного – «Ломоносов XX века».

В канун празднования 150-летнего юбилея в 1900 г. химической лаборатории, созданной Ломоносовым, Вернадский возглавил Комиссию Академии наук по изучению наследия Ломоносова. В.И. Вернадскому принадлежат пять работ, посвященных трудам и научным идеям М.В. Ломоносова, его судьбе и роли в мировой и отечественной культуре. Самая ранняя из них – "О значении трудов М.В. Ломоносова в минералогии и геологии" – написана по предложению Московского общества испытателей природы в 1900 г. Это была не только первая статья Вернадского о Ломоносове, но и его самый первый труд по истории науки (9). В цикл статей В.И. Вернадского в 1911 г. вошли: "Несколько слов о работах Ломоносова по минералогии и геологии", "Об открытии крокоита", "Общественное значение Ломоносовского дня" и "Памяти М.В. Ломоносова". Впервые все они опубликованы вместе в 1988 г. (10)

Последователями и пропагандистами научных идей великого ученого в XIX-XX вв. также стали академики Д.М. Перевоицкий, М.А. Максимович, А.С. Будилович, профессора И.А. Двигубский, А.Л. Ловецкий, Г.Е. Шуровский, М.Ф. Спасский и др.

В 1949 г. по инициативе президента Академии наук СССР С.И. Вавилова и под его главной редакцией была начата подготовка к изданию сочинений Ломоносова в десяти томах; издание было закончено в 1957 г. (11) В 1983 г. вышел дополнительный, XI том со справочными материалами к изданию; в нем помещены также и некоторые стихотворения, приписываемые Ломоносову.

ПРАЗДНОВАНИЯ ЮБИЛЕЕВ М.В. ЛОМОНОСОВА В АКАДЕМИИ НАУК

1911 год: 200-летие со дня рождения Ломоносова; в Академии наук создана Комиссия АН по организации празднования 200-летия со дня рождения М.В. Ломоносова и Комиссия по устройству выставки «Ломоносов и елизаветинское время».

1961 год: 250-летие со дня рождения М.В. Ломоносова: торжественные мероприятия в Академии наук.

25 апреля – сессия общего собрания Отделения исторических наук АН СССР 1961 г., посвященная развитию научного наследия М.В. Ломоносова.

23 ноября – Общее собрание Отделения исторических наук АН СССР «Ломоносов как историк», доклад академика М.Н. Тихомирова.

21 ноября – Общее собрание Отделения биологических наук с докладом академика Н.М. Сисакяна «О Михаиле Васильевиче Ломоносове».

1975 год: 250-летие основания Академии наук;

3 марта – Общее собрание отделения истории АН СССР 3 марта 1975 г., посвященное 250-летию Академии наук, с докладом академика Л.В. Черепнина «Деятельность М.В. Ломоносова в Академии наук» и докладом Е.С. Кулябко «Судьба архива и библиотеки М.В. Ломоносова».

10 октября – 13 октября – Юбилейная сессия АН СССР.

11 октября – Торжественный митинг в Ленинграде, посвященный закладке памятника М.В. Ломоносову в связи с 250-летием АН СССР.

1986 год: 275-летие со дня рождения М.В. Ломоносова.

19 ноября – Торжественное заседание Президиума АН СССР.

21 ноября – торжественный митинг, посвященный открытию памятника Ломоносову в Ленинграде, на Васильевском острове (скульпторы Свешников В.Д., Петров Б.А., архитекторы – Шахов И.А., Тяхт Э.А.).

2011 ГОД: 300-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛОМОНОСОВА

Документы о подготовке к юбилейной дате:

– Указ Президента РФ о праздновании 300-летия со дня рождения М.В. Ломоносова (lomonosov.pomorsu.ru),

– Постановление С. Петербургского научного центра РАН о создании комиссии по празднованию 300-летия М.В. Ломоносова (www.spbrc.nw.ru),

– Распоряжение Правительства РФ об утверждении плана мероприятий по подготовке и проведению празднования 300-летия со дня рождения М.В. Ломоносова (lomonosov.pomorsu.ru), Состав оргкомитета по празднованию 300-летия со дня рождения М.В. Ломоносова (lomonosov.pomorsu.ru),

– Постановление Президиума РАН о создании Комиссии Президиума РАН по подготовке и проведению празднования 300-летия со дня рождения М.В. Ломоносова (ras.ru),

– Постановление правительства г. С. Петербурга о мерах по подготовке и проведению мероприятий, посвященных празднованию 300-летия со дня рождения М.В. Ломоносова (ksp.assembly.spb.ru)

МУЗЕЙ М.В. ЛОМОНОСОВА В АКАДЕМИИ НАУК

Музей М.В. Ломоносова был создан по решению Президиума Академии наук СССР в 1947 году как структурное подразделение Института этнографии АН СССР. 5 января 1949 г. музей был торжественно открыт в верхних этажах башни здания Кунсткамеры, в котором первый русский ученый-энциклопедист Михаил Васильевич Ломоносов работал с 1741 по 1765 год. Это единственное сохранившееся из зданий академического комплекса XVIII века. Развернутая экспозиция отражала жизнь и деятельность М.В. Ломоносова и воссоздавала обстановку конференц-зала Петербургской Академии наук XVIII в. В 1953 г. Музей был выведен из состава ИЭ АН СССР и передан вновь созданному Институту истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, в составе которого и находился на правах филиала до мая 1992 г. В 1993 г. в качестве научного отдела с сохранением научной тематики и со своим коллекционным фондом, фототекой, архивом, библиотекой он был возвращен в состав Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Свое нынешнее название – Отдел истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII века (Музей М.В. Ломоносова) – отдел получил в 2009 году.

ИМЕНЕМ М.В. ЛОМОНОСОВА НАЗВАНЫ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Московская государственная академия тонкой химической технологии
имени М.В. Ломоносова
Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельский городской лицей имени М.В. Ломоносова
Архангельский театр драмы имени М.В. Ломоносова
Межрегиональный Ломоносовский фонд в Архангельске
Научно-культурный центр «Ломоносовский Дом» в Архангельске
Ленинградский фарфоровый завод имени М.В. Ломоносова
(Ломоносовский фарфоровый завод /ЛФЗ/ 1925–2005 гг.)
Музей М.В. Ломоносова Российской академии наук
Экспедиционное исследовательское судно «Михаил Ломоносов»
Ломоносова течение (Подповерхностное экваториальное течение в
Атлантическом океане. Направлено вдоль экватора на восток (под
идушим на запад Южным Пассатным течением), на глубине от 50 до
200 м. Открыто в 1959 г. советской экспедицией на судне «Михаил
Ломоносов»)
Хребет Ломоносова (подводный хребет в Северном Ледовитом океане,
открыт в 1948 г.)
Полуостров Ломоносова (Приморье, западное побережье Амурского
залива)
Кратер Ломоносова на Луне
Биологический вид: *Stygiopontius lomonosovi* (вид ракообразных)
Явление Ломоносова (астрономический эффект)
Минерал Ломоносовит (геологическая порода)
В Великом Новгороде на памятнике «1000-летие России» среди 129
фигур самых выдающихся личностей в российской истории (на 1862
год) есть фигура М.В. Ломоносова
Город Ломоносов (Ораниенбаум до 1948 г.)
Село Ломоносово (деревни Мишанинская и Денисовка до 1911 г.)
Холмогорского района Архангельской области – родина М.В.
Ломоносова
«Ломоносовская» (станция метро) в г. Санкт-Петербурге
Улицы и проспекты во многих городах страны

ПАМЯТНЫЕ МЕДАЛИ

В фондах Архива Российской академии наук хранятся медали:

Ломоносов Михаил Васильевич – 100 лет со дня смерти. Медаль. Авт. Р. Козин, 1865 г.

Ломоносов Михаил Васильевич – 250 лет со дня рождения (1711–1961). Медаль.

Авт. Ю. Клюге, 1961 г.

Ломоносов Михаил Васильевич. Медаль АН СССР. Авт. С.Т. Коненков, 1956 г.

Ломоносов Михаил Васильевич – 275 лет со дня рождения. Медаль. Авт. Ю.Ф. Иванов. 1986 г.

Большая золотая медаль имени М.В. Ломоносова – высшая награда Российской академии наук. Постановление Президиума РАН № 118 об утверждении положения о Большой золотой медали РАН им. М.В. Ломоносова, 30 ноября 1993 г.

**Заместитель директора Архива РАН, к.и.н.
И.Н. Ильина**

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лепёхин И.И. Продолжение Дневных записок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства. Часть 4. (СПб., 1805). Издана посмертно, составлена Н.Я. Озерецковским.
2. Путешествие по северу России в 1791 году. Дневник П.И. Челищева, издан под наблюдением Л.Н. Майкова, СПб., 1886.
3. Севергин В.М. Первые основания минералогии или естественной истории ископаемых тел. В двух книгах. СПб., 1798; Севергин В.М. Опыт минералогического землеописания Российского государства. СПб., 1809.
4. Издание сочинений Ломоносова – «Покойного статского советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и прозе» – было выпущено Вольным российским собранием при Московском университете в трех книгах в 1776–1778 гг. под редакцией архимандрита Дамаскина (Д.Е. Семенова-Руднева).
5. Полное собрание сочинений Михайлы Васильевича Ломоносова: с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений: ч.1-6. (СПб., 1784–1787).
6. Ломоносов М.В. Сочинения: [В 8 т.]. СПб. М.Л., 1891–1948.
7. Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865; Куник А.А. Сборник материалов для истории Императорской Академии Наук в XVIII веке. СПб., 1865; Пекарский П.П. История Академии наук в Петербурге. СПб., 1873;

Ламанский В.И. М.В. Ломоносов // Отечественные Записки, 1863; он же: Столетняя память М.В. Ломоносова (1864 и 1865), он же: Ломоносов и Академия Наук // Чтения, 1865.

8. Меншуткин Б.Н. Ломоносов как физико-химик. К истории химии в России. СПб., 1904; Меншуткин Б.Н. Михаил Васильевич Ломоносов. Жизнеописание. СПб., 1911.

9. Архив РАН. Ф.518 – Вернадский Владимир Иванович (1863–1945).

10. Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М., 1988.

11. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1957 гг. Т. 11. М.-Л.: Наука, 1983.